

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ
МЕТРО
2033

ЗАХАР ПЕТРОВ
МУОС

FUTURE CORP.

Метро

Захар Петров

Муос

«АСТ»

2012

Петров З.

Муос / З. Петров — «АСТ», 2012 — (Метро)

ISBN 978-5-271-44032-8

Вселенная «Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Это – «МУОС». Книга, которая стала легендой в Сети задолго до публикации. Это – «МУОС». Книга о Минском метро. Горькая. Страшная. Светлая. Честная. Это место, в котором дети слишком рано взрослеют, а молодые – гибнут. Место, которое надежда покинула навсегда. Место, в котором до сих пор верят в Чудо... Вы ждали эту книгу очень долго. Теперь она перед вами!

ISBN 978-5-271-44032-8

© Петров З., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Первая книга «Вселенной»	5
Муос	6
Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Захар Петров Муос

Первая книга «Вселенной» Объяснительная записка Дмитрия Глуховского

По официальной легенде, проект «Вселенная Метро 2033» стартовал в октябре 2009 года, а в январе 2010 вышел в свет первый роман серии – «Путевые знаки» Владимира Березина. По этой же легенде, идея и инициатива основать серию книг других авторов по мотивам моего «Метро» принадлежит мне самому.

На самом деле все было не так. «Вселенная» появилась не по указу и не по плану. Она самозародилась – задолго до того, как на портале Metro2033.ru был объявлен прием рассказов и романов. До того еще даже, как «Метро» даже впервые было издано на бумаге.

Как только к сайту m-e-t-r-o.ru (кто знает, тот понимает) был привинчен первый форум, одной из первых тем на нем стали фанфики. Читатели «Метро» стали писать собственные истории из мира моего романа почти одновременно со мной.

А «Муос» Захара Петрова стал одним из первых полноценных романов, зародившихся на сайте – вместе с «Второго шанса не будет» Сурена Цормудяна. Но если книга Сурена вот уже несколько лет как вышла в свет, «Муос» своей очереди ждал долго. Слишком долго, может быть. Незаслуженно долго.

За годы, которые прошли с того, как Захар Петров опубликовал свою книгу в Сети, у «Муоса» появилась своя собственная армия поклонников. Был дан старт серии «Вселенная Метро 2033», были написаны и напечатаны 25 романов, а «Муос» все не издавали. Фанаты недоумевали и негодовали: «Муос», который стал провозвестником «Вселенной», все не выходил и не выходил.

И вот наконец несправедливость исправлена. И сам Захар Петров, и все люди, которые читали и поддерживали его все эти годы, могут взять в руки книгу.

Официальные легенды зачастую расходятся с действительностью и искажают историю. «Вселенная» родилась задолго до того, как вышли в свет «Путевые знаки», и не я дал старт проекту. Первым романом «Вселенной Метро 2033», вполне вероятно, был именно «Муос». А придумали нашу серию Захар Петров и другие первопроходцы, которые публиковали свои истории еще на том, старом сайте.

Нашу серию придумали вы, а не я.

Спасибо вам за это!

Дмитрий Глуховский

Муос

Посвящается моей Лиске, нашим деткам, моим родителям и брату и остальным без малого десяти миллионам, живущим в стране под названием Беларусь

Дай Бог, чтобы все здесь написанное осталось фантастикой

Глава 1 Москва

Игорь скрючившись лежал на полу радиорубки и пытался заснуть. Было холодно и очень тесно. Старый твердый тюфяк едва помещался между стеной и тяжелым столом с тумбой. Когда-то эта крохотная комната являлась служебным помещением метрополитена, а сейчас гордо именовалась радиорубкой. На столе стоял неприглядного вида аппарат – явный самосбор – и постоянно издавал тревожный, бессмысленный звук. В этот тошнотворный шум Игорь вслушивался последние две недели.

Дело в том, что от руководства Полиса поступило распоряжение сканировать эфир «для установления возможного контакта с внешним миром». В Метро всегда теплилась надежда, что где-то наверху все еще существуют остатки цивилизации. Хотелось верить, что в каком-нибудь Урюпинске люди, как и раньше, живут на поверхности, что-то выращивают, строят, смотрят телевизор, слушают радио. Нет-нет да и возникали разговоры о том, что вот, мол, например, в Исландии, в Австралии или даже поближе – в Сибири – все осталось так, как было «до». Разум отвергал эти предположения: будь это так, бывшую столицу одной из самых могучих империй давно бы уже навестили паломники: с добром ли, из корысти или из любопытства – неважно. Однако за десятилетия сталкеры не встретили на поверхности ни одного чужака.

И все же люди надеялись. Надеялись вопреки здравому смыслу. Правда, дело не шло дальше мечтательных разговоров среди обывателей. Долгие годы радиосвязь была просто технически невозможна. Во время Удара электромагнитные импульсы вывели из строя почти все радиооборудование. Ядерный смерч нарушил магнитное поле Земли, на поверхности возникли новые магнитные поля. В первые десятилетия радиосвязь, даже при наличии продвинутой техники, нельзя было наладить. Радиоприемники стали ненужным хламом. Да и вообще в полуголом, измотанном эпидемиями и наседающими мутантами Метро было не до науки и поиска братьев по разуму.

Со временем жизнь под землей не стала сытой и безопасной, но все же постепенно входила в зыбкую, но ровную колею. Была создана соответствующая новым условиям система энергоснабжения. Поставленное на поток грибовывращивание и свиноводство не насытило всех, но чуть потеснило голод. Освободилось немного времени, чтобы подумать о чем-то постороннем. Однако подрастающее поколение, рожденное в Метро, уже не проявляло такого острого интереса к внешнему миру. Для них Метро и составляло Вселенную, а существование других городов и стран было скорее абстракцией – примерно такой же, как жизнь на Марсе.

Однако среди людей всегда находятся энтузиасты и мечтатели, которым обыденность кажется слишком скучной и которые вечно смотрят куда-то вдаль вместо того, чтобы смотреть себе под ноги. Их занимают проблемы, не имеющие, с точки зрения людей здравого смысла, никакого практического значения.

В Полисе – передовом государстве Московского метро, объединявшем десяток станций и перегонов, – группа ученых-браминов добилась от властей осуществления их проекта «Циви-

лизация». Суть проекта заключалась в попытке установить связь с внешним миром. Способ осуществления этой идеи представлялся простым и сложным одновременно: сборка примитивного, но более или менее мощного радиоприемника, вынос радиоантенны на одно из самых высоких зданий на поверхности, прием и анализ поступающих радиосигналов, налаживание контактов с «внешними очагами цивилизации». «Внешними очагами» назывались гипотетически обитаемые страны или города. Так значилось в докладной записке, представленной учеными на рассмотрение руководству.

Сначала проект был отвергнут Советом Полиса. «Против» высказались экономисты и военные. Первые утверждали, что проект является бессмысленной тратой ресурсов. Вторые доказывали, что он ставит под угрозу безопасность Московского метро: «внешние очаги» могут оказаться технически более мощными, лучше вооружены и достаточно агрессивны, чтобы прийти с войной. Лишь молодой перспективный дипломат Александр Расанов заразился идеей проекта. Надо признать, что отчасти им руководили личные мотивы. Занимая пост министра внешних связей, он тонко продумывал и успешно осуществлял сложные политические интриги в интересах Полиса, лавируя между враждебными и дружественными режимами Метро. Его хорошо знали и ценили в пределах Кольцевой линии, но мечты Расанова не ограничивались авторитетом в Ганзе. Он видел себя Главой Полиса. Цель эта, как он самому себе признавался, была труднодостижимой. Тут все приоритеты были у военных-кшатриев, но поскольку он таковым не являлся, то для карьерного скачка ему просто необходимо было стать героем какой-нибудь опасной или громкой операции. Услышав на заседании Совета Полиса о проекте ученых, Расанов сразу понял, что это его шанс. Если отклоненный Советом проект будет, по настоянию Расанова, одобрен на повторном обсуждении, можно продвигать его дальше. Будучи оптимистом, он верил в возможность сенсационного открытия, которое заодно выявит его личные заслуги.

Расанов предложил поставить проект на повторное обсуждение. Его настойчивость всех удивила, но Глава, симпатизировавший способному дипломату, согласился. И вот день настал. Перед выступлением Расанов обвел взглядом присутствующих, заглянув поочередно в глаза своих оппонентов. В чьих-то он прочел интерес и сочувствие, другие смотрели недружелюбно или со скрытой завистью. Расанов был самым молодым министром Полиса. Его выразительное, можно сказать, красивое лицо и ладная фигура служили как бы предпосылкой его успеха. Энергия и красноречие завершали дело. Во время разговора Александр умел так толково расставлять слова, умно задавать вопросы и к месту употреблять случайно услышанные термины, что производил впечатление широко образованного человека. Расанов знал свои козыри и всегда был уверен в себе, хотя превосходства никогда не показывал, а возможно, даже и не испытывал. Держался ровно.

Расанов слегка тряхнул волнистыми волосами, отращенными чуть длиннее положенного в его должности.

– Я тоже голосовал против этого проекта и прошу авторов простить мою недалекость и поспешность. Я долго думал над предложением ученых и пришел к выводу, что мы не оценили те серьезные выгоды и преимущества, которые оно нам сулит. Не могу не согласиться с министром экономики в том, что осуществление проекта связано с большими затратами. Его шепетильность, когда дело касается государственных ресурсов, заслуживает уважения. Я склоняю голову перед вашим талантом и талантом ваших предшественников, благодаря которым мы все живем в относительном достатке. Но прошу вас вспомнить, какой ценой это достигнуто. Люди, созданные природой для жизни на поверхности, уйдя под землю, оказались во враждебной среде. Многие из вас помнят времена Большого Хаоса. Сотни тысяч умерших от голода и болезней, погибших в бесчисленных войнах – таков итог приспособления к жизни под землей. До тех пор, пока подземелье станет нашим настоящим домом, пройдут еще десятилетия... А где-то – я в этом уверен – есть другие человеческие содружества, которые тоже

решают, а может быть, уже решили проблемы выживания. Они могли бы помочь нам избежать многих ошибок, то есть новых жертв и страданий. Не воспользоваться их ценным опытом, их помощью было бы глупо. Я уверен, что проект «Цивилизация» – это не пустая трата денег. Этот проект – наш шанс выйти из тупика. Это дорога к восстановлению цивилизованного общества на нашей планете. И именно поэтому я нашел в себе мужество признать свою ошибку и прошу вас поддержать меня.

Александр смотрел прямо в глаза министру экономики и видел, как менялось выражение его лица. Кислую мину сменило желание перебить молодого выскочку, но в конце министр задумался. Лицо его еще оставалось недоверчивым, но мозг по привычке уже сводил дебет с кредитом... «Этот, кажется, склоняется...» – отметил про себя Расанов и повернул голову к седому Главнокомандующему.

– Товарищ генерал! В Полисе все знают, что вы человек настолько же мужественный, насколько и осторожный. Поэтому я понимаю, что вами движет отнюдь не боязнь, а именно огромная ответственность за безопасность Полиса. Но вспомните об основных принципах радиосвязи. Мы можем просто принимать сигналы из «внешних очагов», собирать информацию, не обнаруживая себя. Со временем, если в этом будет необходимость, можно выйти на связь. Думаю, вряд ли где-то в мире еще существует техника, которая позволит установить наше местонахождение. Таким образом, это мероприятие совершенно не угрожает государственной безопасности.

Главнокомандующий был не готов к такому повороту. «Основные принципы радиосвязи» всплыли в его голове туманным пятном, но признаться в этом он, конечно, не мог. Поэтому он не решился публично оспорить утверждение молодого министра. Мудрый генерал решил просто промолчать.

Расанов тем временем делал решающий выпад:

– Я обращаюсь ко всем! За последние пару лет территория влияния Полиса выросла вдвое. В нашей части Метро мы – самая сильная держава. К нам прислушивается большинство станций в пределах Кольцевой линии. Так представьте, насколько наше влияние усилится, если проект «Цивилизация» будет успешным! Мы, и только мы, станем рупором Метро во внешний мир. Помимо экономического эффекта, это даст нам психологическое и политическое преимущество над всеми враждебными и дружественными государствами. И все это – без единого выстрела! Я прошу вас: сделайте правильный выбор!

Ученые одобрительно кивали, министры слушали с интересом. После короткого обсуждения Глава, отрешенно постукивая пальцами по столу, провозгласил:

– Голосуем.

Сам он в голосовании участия не принимал, зато мог наложить вето на любое решение Совета. Между тем члены Совета научились по тону, каким произносилось слово «голосуем», почти безошибочно определять отношение Главы к предмету обсуждения.

Проект «Цивилизация» был принят с одобрения большинства.

Несмотря на кажущуюся простоту, осуществление проекта заняло более года. В Полисе не осталось действующей аппаратуры и радиомехаников. Чуть ли не единственным спецом был Степаныч, который когда-то закончил Институт связи и, действительно, «волок в этом деле». Главной его задачей теперь была починка раций ближнего действия и восстановление телефонной связи. Второй мастер нашелся на Красной линии. Его пришлось вымалывать у коммунистов, и генсек Москвин разрешил воспользоваться знаниями «красного» радиомеханика в обмен на дальнейшее участие коммунистов в проекте «Цивилизация». Перед двумя специалистами поставили задачу собрать достаточно мощный радиоприемник, который мог бы принимать и очищать радиосигнал, если тот вдруг пробьется сквозь еще незатихшие возмущения в магнитном поле Земли.

В метро был объявлен сбор старых радиоприемников, магнитофонов, телевизоров и прочей радиоаппаратуры. Их оказалось немного. Основная надежда была на сталкеров. Именно они доставляли с поверхности проржавевшую, полуистлевшую технику, все, что, по их мнению, могло содержать необходимые радиодетали. Наконец из кучи этого хлама двум спецам с трудом удалось собрать действующий радиоприемник.

Антенну было решено установить на крыше уцелевшего шестнадцатипятиэтажного здания вблизи станции Арбатская. Отряд сталкеров почти сутки взбирался наверх через разрушенные взрывной волной и временем, заваленные железобетонными обломками лестничные проходы. Твари, обитавшие в заброшенном доме, беспрестанно атаковали людей, посмевших вступить на их территорию. Эта операция стоила жизни троим из сталкеров, еще несколько были тяжело ранены. И все-таки антенна теперь стояла на крыше высотки, а кабель от нее был спущен на станцию Полиса.

В день запуска проекта возле рубки толпился народ – высокопоставленные брамины и кшатрии, Расанов, оба радиомеханика и комитетчик от красных. Игоря, ученика связиста, никто сюда не приглашал, но он, как человек, лично приложивший руку к созданию радиоприемника, считал себя вправе присутствовать. Правда, на всякий случай, он скромно сел в угол рубки.

Пожилой брамин, официально руководивший проектом, хотел сначала сказать какую-то подобающую речь, но, увидев нескрываемое нетерпение на лицах, махнул рукой, что радиомеханик расценил как приказ начинать. Степаныч щелкнул тумблером.

Многие из собравшихся были людьми старшего поколения и помнили, что такое радио. Они с надеждой смотрели на безобразную конструкцию без корпуса с несколькими тумблерами и ручками регулировки, выведенными на какую-то панель. Как бы хотелось этим людям, чтобы после щелчка в тесную рубку ворвалась давно забытая какофония перебивающих друг друга радиостанций: музыка, новости, спорт... Это означало бы возможность их спасения и возврата в прежнюю жизнь. Игорь, вслушиваясь, как и все, в шипение эфира, обвел взглядом лица присутствующих. Они были напряженными и торжественными. Лишь Степаныч опустил глаза и почему-то виновато насупился. Из приемника доносились только громкий шум и треск, то есть, говоря профессиональным языком, «фон» и «помехи». Со слов спецов, помех снаружи во много раз больше, чем на глубине метро. Радиомастер стал нервно крутить ручку настройки частоты. Вдруг помехи прекратились, и из динамиков донесся ритмичный звук: «Тум-Тум-Тум...Хр-р-р». Слово кто-то стучал по включенному микрофону. Эта череда звуков повторилась с небольшим интервалом. Все замерли, как будто ожидая, что приветливый голос произнесет, как бывало: «Внимание! Начинаем нашу передачу...». Но в тишине лишь уныло раздавались одни и те же необъяснимые ритмичные щелчки. Через некоторое время «красный» радиомеханик высказал общую догадку:

– Это и не люди... Чертовщина какая-то...

Степаныч продолжал поиски, крутя ручку настройки до упора и потом обратно – медленно, миллиметр за миллиметром. Затем быстрее. И еще раз медленно. Опять ничего. Ничего, кроме помех и монотонного нечеловеческого сигнала на одной и той же частоте. В течение часа под нетерпеливым наблюдением присутствующих оба спеца что-то подкручивали и подтягивали в самом приемнике и даже иногда постукивали по нему от безнадёги. Ничего, кроме странного сигнала! «Красный» радиомастер робко сказал:

– Может, что-то с антенной? – хотя и сам понимал абсурдность этого предположения. Прием сигнала шел именно через антенну, а значит, как раз она тут ни при чем.

Еще минут пять общего молчания под шум помех из приемника. Первым не выдержал военный чин, приглашенный на сеанс.

– Я говорил, что все это бред! Сколько затрачено средств, погибли люди! И все из-за чьей-то сумасбродной прихоти! – Он сердито глянул на ученых.

– Мы не для себя старались, – робко парировал один из них.

– Может, попробовать по второму варианту? – поддержал другой.

– И не надейтесь! – отрезал военный. – Я буду настаивать на прекращении проекта и привлечении виновных к ответственности.

Выходя, он многозначительно посмотрел на Расанова.

Долгие часы радиомеханики бороздили эфир в надежде выудить оттуда хоть что-то. Ученые, теряя надежду и терпение, один за другим тоже покидали рубку.

В полночь особист, до этого невозмутимо наблюдавший происходящее, резко встал и сказал «красному» радиомеханику:

– Нам пора... Потрудитесь обдумать, что вы доложите товарищу Москвину, – и удалился. Тот, растерянно пожав руки своему коллеге и Игорю, поспешил за «товарищем».

Расанов молчал, время от времени по-детски грызя ногти. Потом вздохнул, подошел к Степанычу, пожал ему руку и тихо сказал:

– Ничего, еще не все потеряно. Главное – не отчаиваться.

На Игоря он даже не взглянул.

Игорь с наставником, не оправдавшие надежд, пришибленные, остались вдвоем. Они, сменяя друг друга, еще двое суток сканировали эфир. На третий день в рубку зашел один из ученых и, хмуро поздоровавшись, сообщил:

– Правительство отказало в поддержке проекту «Цивилизация». Оно считает проект безнадежным. Нам не разрешено больше использовать штатных сотрудников. Вам, Николай Степанович, придется немедленно вернуться к своей прежней работе. Но Расанову удалось уговорить Главу продолжать прослушивание в ближайшее время. Поэтому начальником рубки назначаешься ты, – ученый неожиданно повернулся к Игорю.

Тот ошалело смотрел на него, пытаясь определить, с иронией говорит «начальник рубки» или всерьез.

* * *

Сначала сирота Игорь Кудрявцев обрадовался такому ответственному назначению. Но потом вспомнил, что все, что ни случается в его жизни, бывает только к худшему. Он тяжело вздохнул и тупо уставился на шипящий приемник.

Игоря, когда он был еще маленьким, забрали с Тверской – одной из станций, на которой к власти пришли фашисты. Он мало что помнил из своего детства. Например, совершенно не помнил лица матери. На его месте в памяти всегда возникал расплывчатый полуoval. Но вот ее густые светло-русые волосы Игорь помнил хорошо. Так же хорошо, как и черную униформу матери и красно-белую повязку с черной трехлучевой свастикой на рукаве. А еще помнил ласковые руки и ласковый голос, когда она пела ему какие-то песенки. Сына она обычно называла Игорек. И вообще, образ матери у Кудрявцева никак не вязался с теми представлениями о фашистах, которые рисовали в своих рассказах ветераны Полиса. Он считал бы их рассказы неправдой, но память упрямо хранила один случай.

Игорь почти всегда по вечерам встречал мать с работы. Она выходила из двери, ведущей в какой-то коридор в дальнем конце перрона их станции. В тот коридор никого не пускали. Иногда оттуда слышались приглушенные, леденящие кровь, почти нечеловеческие крики.

Он дожидался мать у двери. Женщина выходила, ласково ему улыбалась, радостно брала на руки. Когда Игорь спрашивал, кто там кричит, мать отвечала, что это «плохие». Иногда она их называла «чурками». Для шестилетнего мальчика этого было достаточно. Воображение превращало этих чурок в страшных монстров.

Но однажды Игорь попал внутрь. В этот вечер дверь «маминой работы» была открыта. У входа стояли два охранника в черной форме. Обычно они находились за дверью и запирали ее изнутри. Сейчас оба вышли и ругались с каким-то рабочим, пытавшимся протолкнуть в дверь тележку. Тележка не лезла, и охранники благим матом орали на рабочего, потом вытолкали

тележку и стали пинками прогонять бедолагу. Охранники привыкли к тому, что Игорь постоянно ошивается возле двери, и поэтому на него не обращали никакого внимания. В этот-то момент мальчик и проскользнул в коридор.

Он забежал в ближнюю комнату и увидел свою мать. Та была в белом халате, испачканном кровью. Мать и еще двое мужчин в таких же халатах склонились над почти голой и удивительно смуглой девочкой, привязанной к какому-то странному железному стулу. Девочка была лет шести. Ремни жестко притягивали ее к сиденью, не давая возможности пошевелиться. Выше уровня глаз черепная коробка девочки была срезана. На столике в лужице крови лежал верх черепа с пышной копной удивительно черных волос. Таких Игорь еще никогда не видел.

Девочка не могла кричать – у нее во рту торчал резиновый кляп, поверх которого шел еще один ремень, жестко вжимавший кляп в рот, а вместе с ним и прижимавший голову ребенка к подголовнику стула. Но девчужка, похоже, была в сознании. На окровавленном лице застыли ужас и невыносимая мука, глаза, казалось, сейчас вылезут из орбит.

Девочка увидела Игорька и как-то встрепенулась. Мать повернула голову, побледнела и зло крикнула: «Пошел вон!». Игорь не мог пошевелиться. Мать резко вытерла окровавленные руки в перчатках о свой халат, подошла к Игорьку, схватила его за руку, вытолкнула из операционной и потащила по коридору. Оба охранника, прогнав рабочего, удовлетворенно возвращались к посту. Увидев Игорька с матерью, они перепугались. Мать вывела Игорька из коридора и сдержанно сказала: «Жди меня дома». Игорь побежал со всех ног. До него доносилось, как мама, его ласковая добрая мама, кричала на охранников такими словами, которых он от нее раньше никогда не слышал.

Мать вернулась с работы раньше обычного. Это была снова его любимая милая мама. Она пробралась в угол палатки, в которой сидел и трясся Игорь, и сунула ему в руку конфету (где она могла ее достать?). Потом обняла сына и ласково зашептала прямо на ухо:

– Игорек, сынок. Та девочка очень больная, она – злая. Она – чурка. Я хочу ее вылечить. Она выздоровеет и станет красивой доброй русской девочкой. Она будет как мы. Ведь твой папа погиб на войне ради того, чтобы все детки были русичами...

Игорь почти поверил – а что ему еще оставалось делать? Правда, встречать маму с работы он больше не ходил. И вообще на ту дверь старался не смотреть.

Через несколько лет, когда он оказался в Полисе, Игорь случайно услышал рассказ одного из ветеранов войны с фашистами. Тот утверждал, что фашистские медики проводили секретные эксперименты над детьми. Они создавали управляемых, сильных зомби – идеальных солдат будущей армии. В качестве материала использовались дети восточных национальностей. При осуществлении операций медики не тратились на наркоз. В заключение ветеран добавил:

– Главной их медчасти была женщина-хирург. Видел я ее мертвой, когда уже в расход пустили. Красивая была баба. Такая маленькая, хрупкая... Ну, никогда бы не поверил, что такая может намеренно детей калечить! А сколько умерло при этих операциях... Кстати, говорят, что фашисты, уходя со станции, упорно прикрывали медиков с их подопытными – так они важны для них были. А детки, которым эта фашистка мозги вправила, уже повзростали, небось. Не хотел бы с ними встретиться...

У Игоря мурашки побежали по коже. Его маму, действительно, убили. Однажды Полис внезапно напал на их станцию. Мать уже вернулась с работы и что-то читала в их палатке. Когда началась стрельба, она схватила пистолет и хотела выбежать наружу, но уже на выходе вскрикнула и ввалилась обратно, упав на спину. Продолжая держать одной рукой пистолет, второй она зажимала рану в животе. Подняв глаза на Игорька, мама что-то зашептала, но он не слышал или не понял от испуга.

В это время в палатку вбежал незнакомый военный с автоматом. Увидев пистолет в руке раненой женщины, он спокойно поднял ствол и выстрелил ей одиночным в голову. От наполнившего его ужаса Игорь потерял сознание.

Он пришел в себя, когда какой-то бородатый мужик тащил его за шиворот в сторону туннеля. Впереди такой же бородатый с перевязанной рукой и автоматом на груди преградил дорогу.

– Куда ты его?

– А что ты прикажешь со щенком фашистским делать? На фарш, разумеется! Мать его знаешь кем была?

– Значит, и ты – такой же! А ну оставь дитенка! Слышишь, чего говорю?! – раненый боец потянулся к автомату.

– Да хрен с тобой! Забирай! – И мальчик покатился под ноги заступника от сильного толчка в затылок.

Игоря Кудрявцева переправили на Боровицкую, где был устроен приют для детей, потерявших родителей. Здесь было несладко: сверстники быстро прознали, чьим сыном он был. «Фашистский ублюдок», «нацистская сука» – эти слова Игорьку то и дело приходилось слышать в свой адрес. Часто его жестоко избивали. Особенно свирепствовали те, чьи родители погибли от рук фашистов во время войны. Учителя формально пытались защитить Кудрявцева, но они и сами испытывали к мальчику неприязнь за его прошлое, как будто он был в чем-то виноват. У Игоря не было друзей. Девушки его сторонились, хотя он рос высоким, приятной наружности юношей. Они боялись стать «фашистскими подстилками».

После очередного избиения Игорь даже думал покончить с собой. Он украл нож, чтобы ночью перерезать себе вены, но сделать это не хватило духу. Паренек завыл, давась рыданиями без слез. Он ненавидел себя, ненавидел свою покойную мать и проклятую жизнь, сделавшую его изгоем.

Лучшие воспитанники приюта обычно поступали в распоряжение браминов. У Игорька не то чтобы не было способностей к учебе. Он просто не видел смысла заниматься этим. Для того чтобы оградить от сверстников, да и просто избавиться от Игоря, воспитатели приюта в двенадцать лет отдали его в ученики радиомеханику.

Так получилось, что владеющих этой специальностью в метро можно было пересчитать по пальцам. Починка же раций сталкерам и восстановление телефонной связи оказались делом весьма нужным и постоянно востребованным. Работы у Степаныча было много, а сам он становился стар и в последнее время часто болел. Ему нужен был помощник, а заодно и кто-то, кто мог бы его заменить.

Игорь перебрался в палатку Степаныча, которая была одновременно его мастерской и домом. Угрюмый радиомеханик разговаривал очень редко и еще реже улыбался. Он так и не принял новую жизнь в Метро и все еще жил прошлым. Тот день, когда в ядерном пекле погибли его жена и двое детей, был для него последним реальным днем. Иногда мастер доставал три замусоленные фотокарточки, раскладывал их на полу, закрывал глаза и начинал качаться из стороны в сторону.

Близкими людьми Игорь и Степаныч не стали. Но паренек был благодарен старику уже за то, что того абсолютно не смущало происхождение ученика. Правда, для других людей он так и остался фашистом. И если не считать пары фраз в день, которыми они перебрасывались с радиомехаником, Кудрявцеву случалось сутками не разговаривать вовсе.

Однажды Игорь заметил на лице наставника оживление: сталкеры с поверхности принесли целую стопку справочников по радиоделу. После этого Степаныч начал более основательно образовывать своего помощника: кое-что задавал учить по справочникам, объяснял основы радиодела и поручал нехитрый ремонт. За несколько лет Игорь освоил профессию.

Они жили в своей палатке, выходя оттуда только по необходимости. Но даже в эти редкие «вылазки» Кудрявцеву хотелось скрыться от чужого любопытства, остаться в тени. Как бы защищаясь, он натягивал на голову капюшон старой вылинявшей куртки, обвисавшей на его

худых плечах, ссутуливался и становился почти незаметным. Мало кто обращал на паренька внимание. Правда, когда он скидывал свой капюшон, то раздатчица служебных пайков – некрасивая девчонка с заячьей губой – засматривалась на него. Бледное чистое лицо с едва заметными редкими волосками на щеках и подбородке, уклонившимися от шербоного лезвия, растрепанные темно-русые волосы и длинные, почти девчоночьи ресницы делали Игоря похожим на избалованного отрока. Но сжатый рот, напряженные скулы и смотрящие мимо всех серые глаза подсказывали, что жизнь его далеко не беззаботна. За все время он так и не встретился взглядом с бедной раздатчицей. Возможно, это было к лучшему для нее...

* * *

К исходу второй недели пребывания в должности «начальника рубки» Игорь стал понимать, что назначением он обязан лишь пренебрежению к нему окружающих и той маловажности, которую имел проект «Цивилизация» в глазах правительства.

Старый радиомеханик, хоть и считался снятым с задания, все-таки иногда заходил в рубку. Он кое-что перестроил в приемнике, и аппарат теперь автоматически сканировал эфир на разных частотах, так что Игорю не надо было крутить ручки.

Игорь периодически выходил – по нужде или получить свой служебный паек – и вновь возвращался в рубку, чтобы круглосуточно слушать это утомительное шипение, перебиваемое писком и треском. Сначала он вслушивался внимательно, боясь что-нибудь пропустить, потом более рассеянно, а со временем привык и засыпал под этот шум.

Но сегодня треск из динамиков казался Кудрявцеву невыносимым. Он с тоской ощутил свое одиночество и заброшенность. Его совсем забыли в этой проклятой рубке. Пройдут долгие годы, и он состарится, неся свою бессмысленную вахту. Проваливаясь в дрему под шипение приемника, Игорь увидел, будто он стоит на платформе возле раздачи служебных пайков. Заметив его, люди разбегаются, а когда он подходит к палатке, то не видит на прилавке привычных грибов и вяленого мяса в бумажных пакетах. На столе лежит большое зеркало. Предчувствуя что-то страшное, он боится в него посмотреть, но пересиливает себя и нагибается. Игорь видит в зеркале свое отражение: череп, обтянутый полусгнившей кожей, с редкими волосами на макушке. Вместо рта и глаз – дыры. Он в ужасе выбегает из палатки, а люди, столпившиеся на перроне, отшатываются от него.

Вдруг он слышит знакомый голос и, обернувшись, видит свою мать в черной форме. За руку матери держится смуглая девочка без черепа – с вытаращенными глазами и дикой улыбкой на лице. Они подходят к нему. Мать, глядя вверх его головы, с отвращением шепчет: «На кого ты похож? Ты позоришь нацию, выродок! Тебе не место здесь!» Он переводит взгляд на девочку и видит, что там, где должен быть мозг, кишат черви. Девочка приближается к нему со словами: «Чурка, поцелуй меня, чурка, поцелуй меня». Она пытается обнять его. Игорь в испуге пятится, проваливается в открытый люк и падает в бездну. А сверху доносится голос матери, который вдруг становится жалобным и настойчиво повторяет: «Мы ждем вас...»

Игорь проснулся в холодном поту, быстро сел на тюфяке, ударившись головой о стол. Потирая лоб, он понял, что это обычный кошмар. И тут он услышал:

– ...мы ждем вас...

Это был уже не сон. Слова донеслись из шипевшего динамика. Но приемник автоматически сменил частоту, и все пропало. Игорь вскочил и быстро дернул ручку назад, второй рукой отключая автоматический режим поиска. «...ждем...ш-ш-ш». Дальше обычный шум.

Сон как рукой сняло. Игорь несколько часов подряд жадно ловил каждый шорох в эфире. Он не пошел за дневным пайком, боясь пропустить долгожданный сигнал. К вечеру шипение стало менять тембр и сквозь него, как будто сквозь стену дождя, начал пробиваться женский голос: «Всем! Всем! Всем!... ш-ш-ш... вещает убежище Муос... ш-ш-ш... просим помощи... ш-ш-ш... атакуют... ш-ш-ш... гибнут дети...». Потом этот же голос заговорил на незнакомых языках, видимо повторяя тот же текст.

* * *

На заседание Правительства Полиса были приглашены люди, которые при других обстоятельствах вряд ли могли тут оказаться: командир спецназа Дехтер и все тот же угрюмый молчаливый особист с Красной Линии. Правительство Полиса, несмотря на напряженные отношения с красными, решило не идти на конфликт и выполнить условия договора об участии коммунистов в проекте. Скромно топтались в углу старый радиомеханик и его помощник Игорь Кудрявцев (на сей раз он был в списке приглашенных). Кроме того, здесь находилось несколько мужчин разных возрастов с военной выправкой.

Обсуждение длилось долго. Сначала один из ученых Полиса зачитал сообщение об обстоятельствах открытия источника радиосигнала, в котором, к молчаливой обиде Игоря, о его роли упомянуто не было. В докладе сообщалось, что неизвестная радиографистка два раза в сутки на определенной частоте посылает миру сообщение продолжительностью 2 минуты 27 секунд на трех языках: русском, немецком и английском. Несмотря на плохую слышимость и благодаря тому, что сообщение трижды повторяется на разных языках, удалось восстановить его большую часть. Так, уже известно, что оно посылается из города Минск – бывшей столицы одного из славянских государств, граничившего с Россией. В тексте указывается адрес и описание места, где установлен передатчик. В послании сообщается, что значительной части жителей города удалось спастись в Минском метро и других подземных укрытиях, но в настоящее время они испытывают какие-то трудности, грозящие гибелью всему населению. Они просят о немедленной помощи.

После ученого выступил торжествующий Расанов. Ни разу не сказав в докладе о своей роли, он тем не менее сумел напомнить, благодаря чьей дальновидности и настойчивости проект осуществился. Тем не менее о полном успехе проекта говорить рано, так как сообщение является односторонним и, очевидно, посылается с радиопередатчика, работающего в автоматическом режиме. Таким образом, достигнутое нельзя назвать установлением контакта в полном смысле этого слова.

Затем Расанов, немного понизив голос, сообщил новость, которая взбудоражила всех. Он уполномочен Главой известить присутствующих, что Полис имеет возможность доставить группу в количестве тридцати человек практически в любую точку земного шара. Технический аспект данной возможности до определенного времени, по понятным причинам, разглашению не подлежит. В связи с этим Совету Полиса предлагается обсудить целесообразность экспедиции в город Минск.

Расанов сделал паузу, наслаждаясь недоумением на лицах тех, кто был до сих пор не посвящен в самый свежий секрет Полиса. Совсем недавно сталкеры нашли на поверхности плотно закупоренный ангар. Это странное приземистое строение без окон и дверей долгое время не привлекало ничьего внимания во время вылазок на поверхность. Но найти наверху что-то ценное становилось все тяжелей, и какой-то дотошный сталкер все же выискал замаскированную дверь, а во время следующей вылазки взломал ее. В ангаре стоял вертолет. Кто-то давным-давно его специально здесь спрятал: система сухой пассивной вентиляции ангара и заботливая консервация сохранили машину почти в первозданном виде. Куда делись те, кто прятал вертолет или знал о нем, неизвестно: скорее всего, они погибли во время Катастрофы или же умерли в Метро, а может быть, еще живут, так и не рассказав никому о своем секрете по только им известным причинам. Вскоре был найден и второй выход из ангара, соединявший его с системой подземных коммуникаций (со стороны подземелья он был настолько замаскирован, что найти его оттуда было просто нереально). Роли Расанова в обнаружении столь ценной находки не было никакой, и именно поэтому он придавал в своих речах ей огромную значимость. Именно он первый связал воедино обнаружение вертолета и поступивший сигнал из Минска, преподнося это как Божий знак, рассмотренный им лично. И как-то само собой полу-

чилось, что о настырном сталкере, явившем Полису летающую машину, все забыли, считая это заслугой самого Расанова.

Несколько минут все молчали, пораженные этой новостью. Затем начали бурно высказываться и пытаться прямо или косвенно выяснить у докладчика характер данной возможности. Но министр внешних связей стойко отклонял все вопросы.

К настоящему времени вылазки на поверхность даже в пределах Москвы являлись очень рискованным и технически сложным мероприятием. Усугублялось это нехваткой боеприпасов, все более ощущавшейся в последнее время. На таком фоне экспедиция в другой город и тем более другую страну казалась чрезвычайным расточительством. Поэтому в начале разговора мысль о реальности подобного похода, казалось, была полностью отброшена. Трезвые головы настаивали на неоправданности рисков, несоответствии целей и затрачиваемых средств. Когда все вроде бы согласилось с этим, молчавший Глава Правительства взял слово. Он заявил, что поддерживает проект. Приглушенно, с длинными паузами говорил он о том, что, несмотря на нехватку боеприпасов, продовольствия и прочие сложности, нужно осуществить эту экспедицию. Все знают, что моральный климат в Метро падает. Депрессия и отчаяние охватили абсолютное большинство населения. Людью движет в основном инстинкт самосохранения, а не разум, и в этом их трудно винить. Едва удается сдерживать сползание окраинных станций в пучину дикости и анархии. Междоусобные войны делают и без того трудную жизнь невыносимой. Мир Метро стоит на пороге Большого Хаоса.

«Нужна идея, которая дала бы людям надежду выбраться когда-нибудь из подземелья и объединила бы всех, – веско убеждал Глава собравшихся. – Метрожители не верят ни в бога, ни в справедливость. Нужна новая религия. Нужно дать мощный позитивный вектор их эмоциям и устремлениям. Итак, надо сообщить населению Метро, что они не единственные уцелевшие на планете. Весть эта обрадует большинство здравомыслящих людей, поднимет дух, прибавит оптимизма и сил для борьбы за выживание.

Другой аргумент в пользу экспедиции – возможность в ходе операции примирения и объединения враждующих режимов Метро. Силами одного Полиса этот проект поднять невозможно. Проведение экспедиции потребует ресурсов многих станций, заставит нас сотрудничать, и это может послужить первым шагом к сплочению.

И последнее. В человеческой природе заложено отзываться на крик о помощи. А ведь мы пока еще люди. Или?»

После речи Главы в помещении воцарилась тишина, которую первым нарушил особист: – Я доложу ситуацию Генсеку и буду ходатайствовать об участии Красной Линии в миссии.

И тут все, кто еще десять минут назад кричал о безнадежности и ненужности экспедиции, как ни в чем не бывало стали обсуждать ее детали.

Сообщения о намечаемом походе в Минск пошли на Красную Линию, в Ганзу и другие государства. Вопреки пророчествам Расанова большого энтузиазма это предприятие у правительств не вызвало. Но в то же время они боялись, что неопределенные выгоды, которые, может быть, сулит этот проект, безраздельно достанутся Полису, поэтому предоставили помощь, согласившись поддержать экспедицию бойцами и вооружением. Однако костяк экспедиции составлял спецназ Полиса – во избежание конфликтов и разногласий, которые могли бы просто погубить и без того опасное предприятие.

Расанов настоял на своем участии в экспедиции, хотя Главный долго не соглашался. Но только это могло дать министру статус кшатрия-воина, а значит, снимало единственный барьер на его пути к вершине. Он был молод, смел, уверен в своих силах. Он чувствовал, что удача на его стороне. Красный комитетчик также был включен в группу, но отказался называть свою фамилию, поэтому был окрещен Комиссаром.

Полуголодная Арбатская Конфедерация предоставила прибор ночного видения и какого-то доходяжного раскосого мужичка с большой головой и уродливым перекошенным лицом. Сначала ему придумывали всякие издевательские клички, но ученые, по настоянию которых он был включен в группу, охарактеризовали новомосковца как «индивидуума с уникальными ментальными способностями». Значение этих слов спецназовцы не совсем понимали и стали называть вновь прибывшего Менталом.

Министры, военные и ученые долго спорили об объеме задач экспедиции. Наконец в приказе они были определены следующим образом:

1. Найти источник и инициатора радиосигнала.
2. Наладить постоянный радиокontakt с Минским метро.
3. Оказать помощь минчанам.
4. По возможности вернуться в прежнем составе.

Но существовала еще другая, секретная часть задания, в которую посвящены были только Расанов и Дехтер. Они (главным образом первый) должны были собирать разведанные о Минском метро для оценки его возможной угрозы, а равно пригодности для колонизации в будущем. Особое внимание следовало уделить обороноспособности и политической системе, создать почву для формирования в будущем агентурной сети. При этом Расанову и Дехтеру были даны практически не ограниченные полномочия. Не исключалась возможность «в интересах «безопасности Полиса и при наличии к тому благоприятных предпосылок принять меры к упреждению угрозы, в том числе вооруженным путем». Что это значило на самом деле, Расанов прекрасно понимал, а Дехтеру было все равно. Ну и еще одним побочным заданием было контролировать действия представителя красных, планы которых были неизвестны, но вполне предсказуемы. Его возвращение в Москву Советом Полиса было признано нежелательным. Выслушав эту часть задания, Дехтер едва заметно кивнул.

Каждый член группы был строго предупрежден о необходимости принятия исчерпывающих мер для выполнения задач, причем к осуществлению следующей разрешалось приступать только после выполнения предыдущей.

Непоследней фигурой в экспедиции должен был стать радиомеханик. Оба спеца, собиравшие приемник, были слишком стары, да и слишком ценны для своих государств. Поэтому принять участие в экспедиции было предложено Игорю Кудрявцеву.

Сказать, что Игорька обескуражило пожелание руководства Полиса, – значит ничего не сказать. Ученик радиста не на шутку испугался и нутром почувствовал, что, если ему все-таки придется участвовать в экспедиции, обратно он уже не вернется. Он был физически слаб, практически не умел обращаться с оружием, а кроме того – придушен комплексами и сознанием своей никчемности.

В раздумьях Игорь забрел в рубку. В ней по-прежнему стоял радиоприемник. Он с грустью посмотрел на этот уродливый прибор и на тюфяк на полу. Что его ждет, если он откажется? Ведь во всем Московском метро он никому не нужен. Если он умрет, этого никто не заметит. Да, в принципе, он ничего не теряет.

На следующий день Кудрявцев дал согласие. Какой-то чиновник равнодушно сообщил, что сегодня же он должен идти с основной группой на подготовительные сборы, на «полигон» – с вещами.

Вещей у Игоря не было и собирать ему было нечего, а прощаться – не с кем. Он подошел к своему учителю, который, как всегда, сидел в мастерской и рассматривал близорукими глазами старый аккумулятор, надеясь его каким-то образом оживить, переложив свинцовые пластины. Игорек в двух словах рассказал ему о том, куда идет. Как ни странно, Степаныч выполз из своей нирваны. Он не стал охать и отговаривать, только как-то необычно засуетился, схватил потрепанный рюкзак и стал собирать туда инструмент. Игорек заметил, что руки старика

трясутся. Он, не жалея, сыпал в рюкзак отвертки, припой, коробку с редкими деталями. А когда туда же отправился и единственный рабочий тестер, Игорек не выдержал:

– Степаныч, а как же ты?

Мастер усмехнулся:

– А я языком проверять буду...

Затем он сбросил с полки несколько томиков по радиоделу, выбрал самый, на его взгляд, толковый и тоже засунул в битком набитый рюкзак. Потом задумался и сказал:

– Жаль, что я старый такой. Я б с тобой пошел.

Степаныч смотрел не то ученику в глаза, не то сквозь него. Может, он вспоминал своего сына, а может, просто думал, не забыл ли чего. Игорьку безумно захотелось обнять этого человека, но он постеснялся, повернулся и пошел. Хотя и чувствовал, что старик еще долго смотрел ему вслед...

* * *

Кудрявцев шел шестым в группе. Они направлялись к заброшенной станции, которая являлась учебным лагерем для спецназовцев и сталкеров. Товарищи по отряду сначала категорически отказывались принимать Игорька. Ему открыто объявили, что он – даже не слабое звено в цепи, а просто-таки «разрыв». Но потом с ним все же смирились и, даже решив, что спецназовца негоже называть «Игорьком», дали ему прозвище Радист. Радисту выдали АКСУ со съемным штык-ножом, три снаряженных патронами магазина и две ручные гранаты. Кроме того, на спину ему водрузили мешок с провизией. Радист еле шел. Он видел, как его товарищи несут такие же по объему мешки, но нагруженные тяжелыми боеприпасами, и стыдил себя за слабость.

Группа состояла из двадцати пяти человек. Старшим был назначен Дехтер – молодой, широкоплечий капитан. У него не было левого глаза, а щека и скула были изуродованы рубцами. Об этом человеке в Метро рассказывали легенды.

В одной из вылазок на поверхность на его группу напала стая бульдогов – двуногих тварей двухметрового роста. Несмотря на свою травоядность, бульдоги были очень агрессивны и не упускали случая затравить какую-нибудь несчастную жертву. Название свое эти твари получили за их огромные головы и массивные, выступающие вперед нижние челюсти, позволявшие питаться даже древесиной. Отряд Дехтера шел за приборами для ученых-химиков в развалины фармацевтического завода. Бульдоги окружили цех со всех сторон. Через кольцо тварей пробивались с боем. Пока сталкеры, отстреливаясь от мутантов, отходили, закончились боеприпасы. Почти на спуске в метро один из группы, новичок, споткнулся. Бульдоги кинулись к нему, готовые разорвать. Дехтер, приказав остальным уходить, бросился на помощь товарищу. Одному чудовищу, которое уже вцепилось клыками в ногу молодого сталкера, он раскроил голову ударом приклада, второму всадил в горло штык-нож. Но в этот момент третий прыгнул на него и с размаху ударил лапой по лицу, разорвав резину противогаза. Пока монстр готовился к новой атаке, Дехтер проткнул ему автоматом живот («Это какой же силой надо обладать, чтобы вбить ствол АК в брюхо!» – неизменно качали головой все слышавшие впервые эту историю). Признав силу человека, другие бульдоги не решались напасть. Дехтер поднял на плечо раненого сталкера и, шатаясь, пошел ко входу в метро. Мутанты оставались на местах и дали ему уйти.

Врачи Полиса не смогли спасти глаз спецназовцу, да и лицо зашили кое-как. Увидев после снятия бинтов свое отражение в зеркале, Дехтер долго пил. Своей девушке он сказал, чтобы в лазарет она к нему не приходила. Она пару раз передавала ему записки, утверждая, что любит его не за лицо. Но уже через месяц ушла в палатку к симпатичному фермеру. После этого Дехтер постоянно носил спецназовскую маску с прорезями для глаз и снимал ее только в присутствии близких друзей из своей команды.

Игорь, понятное дело, близким не был. Дехтер взъелся на него с самого начала. В отличие от своих подчиненных, он отказывался называть его Радистом или по имени. Дехтер ненавидел фашистов, потому что в стычке с ними когда-то погиб его старший брат. Кроме того, для капитана Игорек был слабым необученным щенком, который мог подвести всех. Роль Кудрявцева в экспедиции Дехтеру объяснили, но он считал это ошибкой и категорично заявил руководству, что не доверяет всем фашистам, в том числе – бывшим. Говорил, что раз минчане прислали сигнал, значит, у них есть чем его присылать, а брать с собой обузу в столь опасную экспедицию – это ставить операцию под угрозу провала.

Кто-то из высших военных дал понять Дехтеру, что определять состав участников – не его дело. Капитан огрызнулся, мол, потом не обижайтесь, и при первой встрече с Игорьком прямо объявил ему:

– Ты – говно! У тебя есть только один способ выжить: признай, что ты – говно, и проваливай!

Кудрявцев промолчал.

На подготовку к миссии у них было около месяца. В то время как остальные члены группы занимались стрельбами, отрабатывали тактику боя в замкнутом помещении и на открытом пространстве, приемы владения холодным оружием и рукопашного боя, Дехтер заставлял Радиста часами таскать рюкзак с кирпичами, бегая от станции к станции, подгоняя его матом и тычками. В качестве «отдыха» Игорю разрешалось присесть и встать с тем же рюкзаком. Когда он не мог присесть, ему разрешалось скинуть рюкзак и ползти. Занятия длились с утра до обеда и с обеда и до вечера. Радист поклялся себе, что от него никто не услышит ни звука за время «тренинга», и он сдержал слово. Только губы распухли от постоянного закусывания.

Но самое страшное было вечером:

– Эй, ползи сюда, я тебе колыбельную спою!

«Колыбельной» Дехтер называл спарринг с Радистом, который длился до тех пор, пока парень не терял сознание. Во время спарринга Дехтер дрался только одной левой рукой, а Радисту разрешалось пускать в ход и руки и ноги, хотя это ему мало помогало. Как заводной чертик, он десятки раз кидался на Дехтера и после каждой стопудовой оплеухи отлетал на несколько метров. Сквозь кровавый туман доносились злые слова:

– Ну что, недоносок, как «колыбельная»? Спать не хочется? – А потом не так сурово. – Просто скажи: «Я – говно!» И иди себе с богом.

Радист не раз хотел уйти. Тогда Дехтер сообщил бы руководству, что радиомеханик не выдержал, и экспедиция обошлась бы без него. Только вот к пожизненному приговору «фашист» тогда добавилось бы еще клеймо труса и слабака. Поэтому Радист молчал, сопя, подымался, шел к Дехтеру или полз на карачках. Лишь для того, чтобы получить очередную оплеуху с левой. Утром он просыпался от пинка капитана и вопля:

– Харэ дрыхнуть! На, пожри и запрягайся!

И все начиналось сначала.

В конце второй недели занятий, во время обычной «колыбельной», что-то пошло не так. Когда Радист лежал, придавленный очередной пощечиной, сквозь кроваво-болезненную пелену он услышал гогот Дехтера:

– Ну что, ублюдок фашистский, скажи: я – говно, я – недоносок фашистской суки, и проваливай...

В голове что-то щелкнуло. Кажется, Дехтер еще никогда его так не задевал. Он тихо поднялся. Боль и усталость отошли. Непонятно, что у него было на лице, но Дехтер насмешливо произнес:

– О-о-о! Ща-а-ас будет что-то интересное...

Радист видел перед собой только ненавистную черную спецназовскую маску и желал только одного: чтобы на ней проступила кровь. Он подошел ближе. Левая рука Дехтера, как кистень с лопатой на конце, начала приближаться. Все было как в замедленном кино. Игорь заметил руку. Но тупо ожидать очередного удара, как обычно, он не стал, а резко шагнул назад. Дехтер, все удары которого до этого достигали цели, не ожидал такого маневра. По инерции он повернулся к Радисту левым боком. В этот момент Кудрявцев, сцепив руки в замок, подпрыгнул и опустил их что было силы на голову противника. Может, особого неудобства тому это не доставило, но от неожиданности он отступил еще на шаг. В это время кулак Радиста уже несся к голове капитана и через мгновение врезался в то место маски, за которым был нос. Тут же чудовищная кувалда ударила Радиста под левый глаз. В доли секунды, пока он не отключился, Игорек понял, что это был хук справа.

Когда правый глаз открылся (на месте левого глаза Радист чувствовал только огромную лепешку, которая очень сильно болела), он увидел лица спецназовцев. Мужики мочили тряпку в воняющей самогоном миске и прикладывали ему к лицу. Один из них тихонько обратился к Игорю:

– Очухался, блин. Мы уже перепугались... Чем же ты так командира разозлил... Он чуть не убил тебя...

Голова раскалывалась. Игорь с трудом вспомнил последний спарринг. Он услышал голос Дехтера, заглянувшего в палатку:

– Как Радист?

– Жить будет, командир...

Снова погружаясь в небытие, Игорек отметил, что Дехтер впервые назвал его Радистом.

На следующий день Дехтер, не дав Радисту отлежаться, повел его на стрельбы. Игорь с чугунной головой семенил за командиром к их «стрельбищу». Сначала он стрелял из пневматического ружья по близкой мишени, потом Дехтер дал ему АК с пятью патронами в рожке. Радист выпустил их все в мишень, которая располагалась на расстоянии в пятьдесят шагов. Они подошли и не нашли в мишени ни одного попадания. Молча вернулись назад. Дехтер зарядил еще пять патронов, но перед тем, как передать магазин, презрительно посмотрел в глаза Радисту:

– На дальних станциях сейчас голод и мор. За пару патронов покупают дневной рацион пищи. Пригоршней патронов можно спасти от голода семью. Считай, что каждая очередь – это чья-то жизнь. А лучше, что каждый патрон – это чья-то жизнь.

Радист выстрелил снова, попав два раза в «молоко». Дехтер, оглядев мишень, махнул рукой и заключил:

– Ладно, хватит души губить. Надеюсь, что радиотехник ты не такой плохой, как солдат.

Глава 2

Минск

Беларусь – маленькая страна, несчастьем которой являлось местоположение на пути между Востоком и Западом. Во времена монголо-татар и крестоносцев, Ливонской войны и укрепления Московского княжества, походов Лжедмитриев и русско-шведской войны, Наполеона и обеих Мировых войн Беларусь становилась полем битвы великих держав. Каждая такая война выбивала то четверть, то треть, а то и половину населения, выжигала города и села, бросая народ на самое дно голода и разрухи. Спроектированная в Москве и построенная на Украине Чернобыльская АЭС большую часть своих выбросов оставила на белорусской земле. Народ встретил и эту беду со свойственным только ему терпением и смирением. Когда над Беларусью расстреливали радиоактивные тучи, гонимые южным ветром в сторону Москвы, белорусы приняли это как должное: ведь нельзя, чтобы эти тучи шли на Москву – великую столицу Славянского Мира.

И после каждой войны, после каждой беды тихие, трудолюбивые белорусы, не впадая в отчаяние, снова и снова восстанавливали свою родину. Не имевшим выхода к морю, практически никаких ресурсов, жившим на беднейших в Европе почвах, белорусам все-таки удавалось не только «выжить, но и зажить».

Трудно сейчас сказать, каким сатанинским планом маленькая Беларусь была втянута в Мировую войну. Ясно лишь, что сама по себе она никого не интересовала – только как территория, по которой можно пройти: на восток – к огромным ресурсам России, на запад – к могучей экономике Европы, или на Север – к Балтийскому морю. Правда, потом, после обмена ядерными ударами, оказалось, что идти было уже некому, да и некуда.

Президент страны Валерий Иванюк предчувствовал неизбежность войны. Он понимал, что Беларусь в очередной раз может стать разменной картой в великодержавной игре. А еще он знал положение дел в своей армии и даже не рассчитывал, что войска могут сдержать надвигающуюся угрозу или защитить мирное население.

Было принято решение в срочном порядке переоборудовать под бомбоубежища все имеющиеся подземные сооружения. В отличие от Москвы, в Минске под потенциальные убежища перестраивались не только станции метро, но и предстанционные тамбуры, подземные переходы, подземные магазины, цеха и склады, подвалы многоквартирных домов, цокольные этажи промышленных и административных зданий; даже коллекторы и канализационные системы. Под землей были созданы дополнительные бункеры и ходы, замыкающие все эти сооружения в единый комплекс. Запасались продукты, медикаменты, генераторы. В пожарном режиме заканчивалось строительство в центре Минска геотермальной электростанции, преобразовывавшей энергию внутренних слоев земли в электрическую. Чтобы успеть подготовиться к войне, Иванюк перекраивал своими секретными декретами и указами утвержденный Парламентом бюджет государства.

Все работы осуществляла организация с маловыразительной аббревиатурой «МУОС» – «Минское управление оборонных сооружений». Тогда никто не мог и предположить, что полное военно-канцелярское название вскоре будет позабыто, а слово из четырёх букв для тысяч оставшихся в живых станет не требующим расшифровки названием их последнего пристанища, целой вселенной с самоназванием Муос.

Но война началась, как всегда, неожиданно. Никто не думал, что это произойдет так скоро. Ракеты и самолеты с бомбами, как горсти конфетти на Новый год, со всех сторон полетели на Беларусь. Белорусские ПВО и авиация не могли этому противостоять и даже не могли защитить всю страну. Поэтому единственной целью являлась защита Минска. Вся военная авиация была поднята в воздух по команде «Икс-Ноль». Летчики знали, что эта команда озна-

чает их последний полет: даже если они выполняют боевую задачу, возвращаться им будет уже некуда. Так и случилось – все они погибли в течение первых часов войны.

Не легче пришлось белорусской ПВО, силы которой сконцентрировались в кольце вокруг столицы. Современная вражеская авиация и космические силы отслеживали ракетные установки и наносили по ним упреждающие удары. Уже к исходу первого дня войны централизованное управление ракетными войсками было уничтожено. И все же каким-то чудом отдельные части и батареи продолжали сражаться.

Авиация и ПВО смягчили удар, но то, что упало в окрестностях белорусской столицы, имело катастрофические последствия. Вблизи Минска взорвалось несколько ядерных боеголовок. Адские грибы, выросшие возле города, испепелили своим излучением все, что могло гореть и плавиться. Взрывные волны, нахлестываясь одна на одну, нещадно утюжили столицу.

Вся Беларусь была иссечена кратерами ядерных взрывов. Оставшиеся без защиты областные центры, крупные города и поселки с воинскими частями превратились в один сплошной кусок угля. В этих условиях рукотворные демоны – начинка биологического и бактериологического оружия, созданного на основе нанотехнологий, – стали быстро эволюционировать. Весь мир превратился в полигон для одного колоссального неконтролируемого биологического эксперимента.

* * *

Их окрестили Отрядом Особого Назначения. Сокращенно – ООН. Историки Метро говорили: до Удара существовала международная организация, которая имела такую же аббревиатуру. И вроде бы эта организация пыталась предотвратить войну... Или делала вид... Расанов предложил английскую версию ее названия – «UN», и с его легкой руки миссионеров, отправляющихся в самую опасную в истории Московского метро экспедицию, стали называть уновцами.

В последний день подготовки в учебном лагере появилось двое военных. Уновцев построили и объяснили, что сейчас их отведут в «пункт икс», из которого они будут стартовать. Но поскольку это место строго засекречено, то передвигаться им придется с завязанными глазами. Разговоры категорически запрещены. Любая попытка развязать глаза, прикоснуться к своему оружию, отделиться от группы и прочее могут быть расценены как угроза безопасности Полиса со всеми вытекающими последствиями.

Идти было неудобно. Игорек, вернее, теперь Радист, спотыкался, хлюпал ногами по воде, вместе со всеми поворачивал налево и направо, подымался и спускался, снова поворачивал, карабкался по каким-то расшатанным лестницам. Порой казалось, что они ходят по кругу. Может быть, так оно и было. Несколько раз кто-то из сопровождающих открывал и закрывал замки, засовы, люки. Это продолжалось больше часа.

Наконец уновцы вошли в необычно теплое помещение, и им разрешили снять повязки. Радист ахнул. Они находились внутри ангара размером с четверть средней станции метро. В одну сторону пол ангара подымался, как будто туда уходил какой-то мост. В центре стояла гигантская, по его понятиям, машина. Она напоминала толстую серебристую лепешку в форме овала с обрубленной задней частью. Длинной метров пятнадцать, шириной – около пяти. Нос обтекаемой формы. Спереди и сзади по два нароста, заканчивающихся мощными четырехлопастными пропеллерами. «Похоже на вертолет», – подумал Игорь, вспоминая картинку в энциклопедии. Вертолет стоял на четырех шасси. Сбоку зиял люк, из которого спускался пожилой мужчина в кожаной куртке. Один из военных поздоровался с незнакомцем и представил его:

– Летчик Алексей Родионов. Имел боевой опыт в Чечне. Можете ему доверять.

Летчик поздоровался со всеми за руку. Внешность у него была совсем не героическая: щуплый мужичок с редкими седыми волосами, зачесанными назад, и такой же седой бородкой,

которая делала его старше своих лет. Летчик вроде бы и не улыбался, но имел такое счастливое выражение лица, говорил и двигался так бодро, что казалось, будто он только что сорвал главный куш в какой-то игре. Он сразу решил ввести всех в курс дела.

– Это одна из последних предвоенных моделей. Была строго засекречена. Изготовлено всего несколько экземпляров, незадолго до Удара. За свой характерный внешний вид вертолет был прозван «камбалой» – водилась такая рыба на глубине... хотя это неважно. Оборудован ядерным двигателем. Реактор рассчитан на двадцать лет бесперебойной работы. Время полета ограничено только износом основных частей. Скорость небольшая – двести пятьдесят километров в час, но зато вертолет очень устойчив к погодным условиям, прост в управлении, имеет повышенную степень надежности. На борту больше трех тонн разного вооружения: ракеты, две самонаводящиеся пушки с боеприпасами. Все управляется компьютером, при необходимости – вручную. Этот экземпляр разработан для правительственных нужд. Все в отличном состоянии благодаря герметичности этого ангара. Внутри комфортно: система кондиционирования, полная изоляция салона от радиации. Управление относительно простое. Я на таких не летал, но, думаю, справлюсь. Я тут уже две недели.

Военный строго глянул на него:

– Ну что ж, хватит лирики. Давайте погружаться, через два часа закат. Вам пора.

«Камбала» плавно тронулась и покатила по дуге вверх. Ангар был спрятан на глубине приблизительно пятнадцати метров. Гермоворота автоматически открылись при приближении вертолета. Машина оказалась снаружи, на бетонной площадке какого-то предприятия. Родинон склонился над клавишами, вертолет загудел, вздрогнул и стал плавно взлетать. Они подымались над МОСКВОЙ.

Радист на минуту забыл обо всех своих несчастьях. Никогда не испытанное чувство полета и невиданная панорама колоссального города поразили его. Все прильнули к смотровым щелям. Город был неоднороден. Кое-где виднелись язвы кратеров от ядерных взрывов, а вокруг них – огромные безобразные «пятна» разрушений. Хотя в большей части городские строения сохранились. Зелень захватывала пространство: взламывала асфальт, скрывала руины, пробиравалась на крышах многоэтажек. Пройдет лет пятьдесят, и на месте города будет сплошной лес.

Масштабы бывшей столицы просто ошеломляли. Невозможно представить, что в каждой такой коробочке-доме жили сотни людей. Они пролетели над кольцом МКАДа и устремились на запад, догонять закат. Внизу расстилались безбрежные равнины лесов. Игорец, мир которого до сих пор был ограничен несколькими станциями и туннелями, с трудом воспринимал новое измерение и пытался представить планету в целом. Получалось плохо.

Под ними проплывал враждебный лес, давно уже принадлежащий другим существам. Вряд ли человек сможет когда-нибудь покорить его снова. Радист посмотрел вперед – на багровое небо, залитое закатным пожаром. Они летели прямо в этот пылающий ад. Кроваво-красное сияние ощущалось как кошмарный предвестник того, что их ждет впереди.

Игорь с трудом отвел взгляд от этого зрелища и посмотрел на своих спутников. О чем думают эти люди? Вот Расанов, вечный оптимист, верящий в законы и возможность все решить мирным путем. Он явно надеется наладить международные контакты и вернуться в Москву героем. Втайне он боится провала своих планов, но старается держаться уверенно.

Вот погруженный в себя Ментал. Его несуразно большая грушевидная голова качается в такт вибрации вертолета. На уродливом лице нет страха, а только предельная концентрация на чем-то, ему одному доступном, и осознание неминуемых испытаний...

Дехтер... Маска, как всегда, скрывает его лицо, но и так понятно, о чем думает командир. Он солдат, а солдат должен быть всегда готов к бою. Хотя Дехтер тоже боится – боится за своих людей, которых он должен вернуть домой живыми. Радист не был зол на командира, несмотря на то что тот его чуть не убил. Он был зол только на свою никчемность, на свой

страх, на боязнь подвести весь отряд. Комиссар – вот кого понять невозможно. Вытянутое, неподвижное, как будто вырезанное из дерева лицо с длинными бороздами-морщинами на щеках, неподвижные бесцветные глаза, длинный плащ и руки, которые он, кажется, никогда не доставал из его глубоких карманов, делали коммуниста похожим на истукана с древнего капища. Что движет этим человеком: коммунистический морок, личная выгода, преданность вождям или жажда приключений? Нет, не понять.

А вот Бульбаш летит домой. Полноватый, розовощекий, он похож не на спецназовца, а на добродушного фермера. Наверное, Бульбаш тоже боится...

Все боятся этой небывалой вылазки. Но каждый согласился в ней участвовать добровольно...

«А чего мне бояться? – думал Радист. – Мне-то вроде бы и терять нечего, а нет же, жалкая душонка все равно боится... Хочет домой... В сытую теплую безопасность...»

Мысли Кудрявцева и других уновцев прервал Дехтер. Тонем, не допускающим возражений, он произнес:

– Так. Через несколько часов будем на месте. Я не знаю, что нас там ждет, но надо быть готовым к худшему. Всем спать.

* * *

Родионов, Расанов и Дехтер смотрели на мигающий во тьме огонек, переводя взгляды с иллюминатора на обзорный монитор и обратно. Даже при максимальном увеличении объект, излучавший свет километрах в десяти слева по борту, был не различим, однако не оставалось сомнения, что свет исходит от фонаря или прожектора. Сорамерив последовательность включений-выключений света, Родионов уверенно сообщил:

– Албука Морзе. Они просят помощи, это – сигнал «S.O.S»!

– Это уже Минск? – уточнил Расанов.

Родионов еще раз глянул на электронные карты и отрицательно покачал головой:

– Нет, даже не пригород.

– Значит, летим дальше, – потребовал Дехтер.

– Как дальше? Мы не можем пролететь мимо поселения людей. Я думаю, ты не сомневаешься: сам по себе фонарь не отбивал бы призывы о помощи морзянкой.

Родионов, прокрутив запись одной из камер наблюдения назад, уточнил:

– Фонарь включился именно при нашем приближении. Думаю, они среагировали на вертолет и сигнал адресован конкретно нам.

Дехтер, не меняя тембра голоса, настаивал:

– Мы не знаем, что это за люди, сколько их и какие у них цели. У нас есть задание: лететь в Минск и спуститься в метро этого города. А уж на обратном пути...

– На обратном пути мы можем уже не увидеть сигнала. Может быть, в Минске мы никого уже не застанем, а здесь – живое поселение. Если мы наладим контакт с этими, наше задание будет уже частично выполнено. И... это поселение – недалеко от Минска, а значит, здесь могла бы быть неплохая *пересадочная станция* для будущих полетов...

Дехтер внимательно посмотрел на Расанова. Он понял, что тот говорит о секретной части их задания, о возможной экспансии в Минск. Неужели и вправду планы этого штатского идут так далеко?

Дехтер вспомнил о Ментале, который так и сидел с закрытыми глазами:

– Ментал, включись! Есть там что?

– Слишком далеко, я ничего не чувствую, – безразлично ответил тот, даже не открыв глаз, чтобы посмотреть в иллюминаторы или на обзорные мониторы.

– Я прошу вас: решайте быстрее, – молил Родионов, направляя вертолет по большой дуге.

– Опускайся, – наконец скомандовал Дехтер.

* * *

Молох почувствовал, как что-то приближалось по воздуху. Летело быстро – живые организмы так не летают. Он заинтересовался.

Молох смутно помнил, как он появился на свет. Он даже не знал своего имени, как не знал и того, что так окрестили его создатели, нарекая в честь древнего божества, принимавшего человеческие жертвоприношения.

По заказу военных ученые десятилетиями создавали в секретных лабораториях программируемые нановирусы, которые можно было бы использовать как мощное оружие. «Молох-23» был одним из них. Каждая единица «Молоха-23» – это микроскопическая структура, сравнимая с размерами больших молекул, выполняющая функцию микроробота или катализатора. Попав в живую клетку, нановирус искал молекулу ДНК и перестраивал ее в определенном порядке – на этом его функция заканчивалась. А вот модифицированная клетка с измененным ДНК становилась новым автономным живым организмом, очень агрессивным, поглощающим и перестраивающим соседние клетки. По результатам опыта зараженное существо всегда умирало, причем умирало достаточно долго и мучительно. «Преимуществом» нового вируса было то, что его нельзя было убить антибиотиками. Кроме того, боевые единицы «Молоха-23» через несколько недель после высвобождения распадались из-за контакта с внешней средой; пораженные им организмы к этому времени тоже умирали, поэтому уже через один-два месяца «обработанная» территория не представляла опасности для завоевателей.

Но все это было лишь предположением в официальных отчетах ученых, которые не могли гарантировать результат, так как для окончания исследований лабораторные условия были недостаточны и требовались массированные испытания на природе. На всякий случай дюжина боеголовок была начинена «Молохом-23». И случай вскоре представился – ракеты с этим вирусом, а также ракеты с десятками других разновидностей мутагенных вирусов, созданных в разных лабораториях многих стран, пошли в ход во время безумия, охватившего мир.

В генный код Молоха была заложена возможность перепрограммировать в определенном порядке ДНК организмов, в которых поселится вирус. Для того чтобы он стал развиваться, в программный код ввели доминанты размножения и самосохранения.

Своим заказчикам ученые устроили демонстрацию в одной из лабораторий. Мышку, находящуюся под толстым стеклянным колпаком, заразили вирусом. Сперва ничего не происходило, но потом мышка взбрыкнула и упала. Спустя некоторое время зверек превратился в студенистую массу, которая, подобно амебе, стала передвигаться под колпаком. Под колпак запустили еще десяток мышек, и студень отлавливал и цинично поглощал их, все увеличиваясь в размерах. Один из высокопоставленных военных подошел к колпаку, чтобы разглядеть все получше. В этот момент от массы отпочковался фрагмент и буквально выстрелил в сторону военного. Если бы не колпак, он мог бы достичь цели. Военный испуганно отшатнулся, а ступок расплющился на внутренней поверхности колпака. В зале раздался одобрительный смех и аплодисменты. Военные остались довольны, и уже через полгода сотни боеголовок с вирусами пополнили арсеналы их армии. А еще через год ракеты с боеголовками стартовали...

Одна из боеголовок упала в белорусском городе Борисов. Мириады спор вырвались из нее наружу. Вне живого организма вирус не мог развиваться, и основная масса спор, не найдя носителя, погибла. Незначительное количество их все же достигло живых клеток, и уж совсем ничтожная часть успела перестроить нужным образом ДНК жертвы. Зараженные люди и животные погибли от «Молоха-23», превратившись в студенистую массу. Но рухнувший в одночасье мир этих смертей не заметил.

Дворняга жила на заводе, питаясь отбросами заводской столовой. Однажды стало очень светло, потом жарко, потом дунул сильный горячий ветер. С крыши и со стены, у которой лежала дворняга, начали падать обломки. Испугавшись, собака забила в свое любимое место – в щель под фундаментом. Оттуда она наблюдала в течение нескольких часов, как рушились

здания, кричали и бегали люди, многие падали замертво. Втягивая носом запах гари, дворняга поймала вирус, который стал быстро размножаться и поглощать ткани ее легких и других органов. Несмотря на сопротивление иммунной системы, вирус побеждал. Дворняга взвыла и выбежала из укрытия, понимая, что подыхает.

Но в этот раз что-то пошло не по программе, заложенной создателями. Возможно, из-за того, что захваченная вирусом клетка к этому времени была уже облучена, она стала развиваться по другому сценарию. Мутировавшая клетка стала поглощать все соседние, в том числе и своих собратьев, порабощенных не мутировавшим вирусом. Все они становились ее подобием и продолжением. Когда накопилось достаточное количество клеток, МОЛОХ ОСОЗНАЛ СЕБЯ. Правда, сам он себя никак не называл, потому что в этом не было нужды – ведь он был единственным в своем роде.

Поглощение чужих клеток доставляло Молоху удовольствие, и он принялся с удвоенной силой это делать. Наконец все тело собаки превратилось в студенистый комок. Молох встревожился: что дальше? Вдруг он почувствовал, что рядом лежит еще одно тело, намного больше тела собаки. Но Молох не мог до него добраться и понял, что ему надо сформировать органы движения. Поспешно, теряя массу и энергию, Молох трансформировал часть клеток в двигательные. Эти клетки смогли вытянуться в струйку и добраться до тела тяжело раненной, но еще живой девушки. Молох стал сливаться с телом и поглощать его. Девушка закричала. Молох почувствовал страх и боль живого организма, и это его приятно возбудило. Молох был горд собой – он сумел создать нужную пропорцию думающих и двигательных клеток, он становился более совершенным!

Молох пополз по заводской площади и стал пожирать мертвые и живые тела, наращивая массу. Вскоре он уже понимал, каково строение этих организмов и как они функционируют. Самым привлекательным и полезным в них оказался мозг. Молох поглощал его медленно, смакуя. Он научился просматривать и анализировать картинки, запечатленные в мозге человека, усваивал его знания, а также интересовался некоторыми эмоциями, пережитыми человеком по поводу каких-либо событий.

Некоторые картинки сложились в понимание того, что люди – это вид существ, населяющих планету, что их очень много, что они начали войну между собой и сейчас испытывают сильный страх. Упоминания о себе он в сознании людей не нашел, значит, большинство людей о нем ничего и не знают.

Пользуясь все тем же источником, Молох получил информацию о природе радиоволн, а также тепловых и рентгеновских лучей. Он стал создавать в себе клетки, способные реагировать на все эти раздражители. Он научился чувствовать живые организмы и даже их эмоции на расстоянии. Молох становился все более совершенным. Постепенно он пришел к убеждению, что является самым совершенным и сильным организмом на Земле.

Однажды в поисках пищи он почувствовал, что в подвале одного из зданий скопилось очень много людей, которые чего-то ждут и боятся. Молох полутонной массой двинулся туда через руины. Люди были закупорены со всех сторон в убежище, свободной оставалась лишь вентиляционная шахта, в которой был установлен фильтр. Молох сформировал железы на концах своих щупалец и, пролив на фильтр кислоту, растворил его. После этого тонкое чувствительное щупальце опустилось в убежище. Молох не спешил, он изучал людей. Их речь он не воспринимал, но чувствовал их эмоции, их смятение и какую-то надежду на обычный фонарь, который они вынесли на верхний из оставшихся этажей разрушенного здания, в подвале которого прятались. Фонарь был соединен с автономным генератором и круглосуточно моргал. Наспех собранное местным конструктором реле задавало определенную последовательность и длительность включений – сигнал S.O.S по азбуке Морзе. В крошечной тьме постъядерного мира этот сигнал был виден издалека. Но вместо спасителей он привлекал новых бедолаг, которые искали укрытие. Сначала их принимали, но потом «коренные» жители убе-

жища стали прогонять «пришлых». Молох быстро решал участь изгнанных, догоняя их за ближайшими руинами.

Однажды кто-то решил заменить воздушный фильтр и, к ужасу, обнаружил, что он разрушен, а по вентиляционной шахте спускается какая-то резиноподобная масса. Щупальце наивно решили обрубить пожарным топором, но Молох схватил ближайшего мужчину за руку этим щупальцем и стал потихоньку рассасывать ладонь, постепенно вползая через шахту в убежище. Вопль человека и его страх были очень приятны: мужчина пытался вырваться, но ему это не удавалось. Двое других мужчин подбежали и стали оттаскивать несчастного, тогда Молох, быстро сформировав еще два щупальца, схватил и их.

Несколько десятков человек в убежище стали кричать, многократно увеличивая удовольствие. Молох понял, что эти люди никуда не денутся и их хватит надолго. Десятки дней он наслаждался, поглощая одного за другим.

Когда в убежище не осталось никого, Молох пустил множество щупалец по заводской территории в поисках мертвых тел и живых людей. Сотни живых организмов: людей, животных, птиц пополнили его массу. Он по-прежнему жил в том же убежище. По ночам он включал фонарь, и это иногда привлекало новые жертвы. Но со временем живую плоть становилось найти все труднее, и Молох стал питаться растениями, хотя это ему и не нравилось. И все же выползать из города Молох считал неразумным. Он довольствовался растительной пищей и забредавшими сюда животными. Так шли десятилетия...

Однажды Молох почувствовал присутствие в мире какой-то высшей силы. Что-то могучее и намного более сильное, чем он, обитало в тысячах километров от его убежища, в одном из мегаполисов. Наткнувшись сознанием на эту субстанцию, Молох восхитился и испугался. Он считал себя совершенством, но ЭТО было сверхсовершенством и сверхмогуществом, по сравнению с которым он – лишь жалкий комок слизи. ЭТО давно наблюдало за ним, но не посылало знаков, так как считало его пока недостойным. Теперь же, когда Молох сам обратился к Божеству, Оно сообщило, что их время еще не пришло. Есть другая, Великая цель, понять которую Молох пока не в состоянии. Ему была дана команда не покидать пределы города и экономить энергию. Он не мог ослушаться приказа.

Сегодня Молох почувствовал сладкую человеческую плоть в приближающемся объекте. Похоже, его курс лежал прямо над убежищем. Молох с помощью щупалец запустил тот маяк, который раньше успешно привлекал новые жертвы. Созданное когда-то в этом подвале реле все так же исправно звало на помощь, отбивая точками и тире «Спасите наши души!». Сначала казалось, что механизм пролетит мимо. Но вот он начал описывать большую дугу и, наконец, снижаться.

* * *

В ста метрах от полуразрушенного административного здания, на котором был установлен маяк, когда-то находилась парковка, на что указывали сотни ржавых, полурассыпавшихся автомобильных кузовов. Родионов посадил вертолет на свободное от автомобильных скелетов место. Двигатели он на всякий случай не глушил. Дехтер отобрал полтора десятка спецназовцев и сообщил свое решение:

– Со мной идут только военные. Найдем поселение – позовем остальных.

Спецназовцы, одетые в противорадиационные костюмы, попарно выходили из вертолета через шлюзовую камеру. Оставшиеся в вертолете видели на обзорных мониторах их силуэты, иногда появляющиеся в лучах фар-искателей и в отблесках маяка. Теперь даже Ментал немигающим взглядом выкаченных глаз пристально всматривался в картинку на мониторе. Как будто самому себе, он сказал:

– Тут что-то не то...

Расанов тревожно спросил:

– Что именно – не то? Ты что-то почувствовал?

– Кажется, нет ни кустов, ни деревьев, ни даже травы... Так не бывает.

Проверяя наблюдение Ментала, Родионов несколько раз крутанул джойстик управления фарой-искателем, обшаривая окрестности. Действительно, куда бы ни падал свет, везде была только голая земля, потрескавшийся асфальт и бетонные обломки. Ни одного растения! Тихо, но настойчиво Ментал потребовал:

– Их надо вернуть.

Родионов посмотрел на Расанова, и тот, секунду помешкав, раздраженно ответил:

– «Нет травы» – нашли мне причину! Мало ли почему ее тут нет?

Молох наблюдал за происходящим из своего убежища посредством нескольких рецепторных щупалец, концы которых он всегда оставлял на поверхности. Механизм опустил, из него вышли люди и стали приближаться к маяку. Анализируя их эмоции, Молох не находил в них того страха и растерянности, которые излучали все его прошлые жертвы. Эти были охотниками. Чужаки подошли к руинам, под которыми прятался Молох, внимательно и осторожно стали их осматривать. В руках у всех были предметы, которые он уже когда-то наблюдал у встреченных им человеческих особей. Молох догадывался, что это оружие, которое, впрочем, не может причинить ему особого вреда. Молох предвкушал, как оплетет этих самоуверенных людей своими щупальцами и будет медленно их поглощать, наслаждаясь вкусом их плоти и эмоциями их страха и безнадежности. Только бы они подошли поближе!

Когда люди стали карабкаться по руинам, ища выход наверх к фонарю, Молох решил, что настало его время. Чтобы удобней было вылезти из своего убежища, он еще в первый год растворил кислотой железную дверь в нем и теперь медленно и бесшумно всей своей массой двинулся на выход.

– Я вижу движение! Это ловушка! – вопреки своему обычному спокойствию, почти закричал Ментал.

Не ожидая команды Расанова, Родионов дал условный сигнал к отходу. Дехтер и его люди услышали вой, донесшийся из динамика вертолета, и остановились. По знаку командира все начали отступать, пятясь и держа руины на прицеле. Пока ничего определенного они там не видели, но интуитивно чувствовали исходившую оттуда опасность.

Люди уходили, Молох был раздражен. Полтора десятка боевых щупальцев проскользнули по коридору и лестнице, взметнулись над поверхностью и с большой силой ударили по отбегавшим чужакам, метясь в самое их незащищенное место – в живот. Раньше такой удар пробивал жертву насквозь и лишал ее возможности сопротивляться, но не в этот раз. Острые концы щупальцев лишь клацнули по пластинам бронежилетов. В ответ раздались выстрелы, и Молох узнал, что оружие людей не так безобидно: шквал пуль рассекал щупальца, делая их бесполезными. Оставшиеся беспорядочно нападали, ища слабые места. Одного пришельца они поразили в шею – тот рухнул на колени, и Молох сразу же потащил его к своему телу. Он буквально всосал его еще живым.

– Это там – под руинами! – крикнул Ментал, тыкнув пальцем в центр монитора. Его глаза покраснели от напряжения и вылезали из орбит. – Я его чувствую! Остановись! Остановись! – не понятно к кому обращаясь, шептал Ментал.

Молох почувствовал сильную волну мыслей одного из людей, оставшихся в машине. Это существо упорно говорило ему: «Уходи! Ты погибнешь! Ты погибнешь!...» Он старался не обращать внимания, но что-то похожее на страх мешало ему сосредоточиться. Щупальца его не слушались и медленно приближались к уходившим людям; удары получались слабые и неточные, автоматные очереди все чаще отшибали эти отростки. Но вот вертолет стал подниматься – они бросают своих, они уходят, значит, они боятся Молоха, и теперь ничто не мешает ему уничтожить оставшихся на земле. Большинство людей уже не стреляли – боеприпасы кончились, поэтому они просто бежали к вертолету, предательски подымавшемуся вверх. Тут мешав-

ший Молоху, угнетающий его сознание посыл ослаб, он сосредоточился и вогнал щупальца в одного из убежавших.

Лучи фар-искателей осветили огромную тушу Молоха, и вертолет завис над ним, как бы давая время уновцам уйти подальше. Дехтер понял план Родионова и спешил увести бойцов, чтобы укрыться от взрыва за бетонной стеной одного из цехов.

Молох оцепенел, ослепленный светом и не испытанным доселе чувством опасности. Неожиданно вертолет начал удаляться, и вдруг от него отделились два огненных столба. Молох мгновенно понял, что это катастрофа, но сделать уже ничего не мог. Ракеты вошли прямо в тушу, разорвав ее на сотни кусков, одновременно сжигая их в пламени. Шквал авиационных снарядов из вертолетных пушек ударил по обугленным и еще горящим останкам. В последний момент Молох вспомнил о божестве, которое лежит где-то далеко, в тысячах километров от него. Он обратился к нему за помощью. Но божество послало эмоциональную картинку, из которой следовало, что Молох – полное ничтожество, которое позволило себя убить. К предстоящим смерти ужасу и боли добавилось острое чувство бессмысленности существования...

Молох-2 помнил какой-то взрыв, до которого он был частью большого тела, видел образы людей и вертолета, которые уничтожили его прародителя. Один кусок материнского тела ракетным взрывом швырнуло далеко за бетонную плиту, и это спасло Молоха-2 от огня. Он терпеливо исторг из себя обожженные участки, округлился и пополз по руинам, находя и поглощая мертвые, но пригодные к потреблению куски материнского тела. Ему предстоит многое узнать и многому научиться, но уже сейчас очевидным является одно: люди – его враги, которых надо уничтожать.

* * *

Уновцев, пораженных монстром, похоронили недалеко от злополучного убежища. Тело одного и все, что осталось от второго, положили в наспех вырытую могилу и засыпали. Молча проследовали в вертолет, поднялись и уже ночью полетели в Минск.

Спустя полчаса они были над Минском. В кромешной темноте город различить было невозможно, только на обзорных инфракрасных мониторах угадывались контуры строений и руин. Из картинки следовало, что Минск поражен гораздо сильнее Москвы. Город зарастал лесом. Радиоактивный фон был выше, и с трудом верилось, что в этом аду могли выжить люди.

Родионов предложил дожидаться рассвета, так как сориентироваться в темноте было сложно. Покружив, он нашел подходящее место для посадки. Дехтер, чтобы ободрить бойцов, в крепких выражениях охарактеризовал неизвестную доселе форму жизни, встретившуюся им, раздал паек и приказал всем спать до утра.

Утром Игоря разбудили тоскливые восклицания Бульбаша, который разглядывал город за окном. Бульбаш был белорусом и прозвище свое получил из-за каких-то забытых ассоциаций с родной страной или родным городом. В Москву он приехал со школьной экскурсией, десятилетним мальчиком. Когда начали рваться бомбы, он отстал от своего класса и заблудился в переходах метро. Одноклассников и учителей он больше никогда не видел. Вырос мальчик в Полисе. Незлобный характер и физическая сила помогли ему выжить и даже найти приемных родителей. В 18 лет он пошел в спецназ Полиса. Его пригласили в миссию как «коренного» минчанина.

Вертолет поднялся в воздух и сделал несколько кругов над северо-восточной частью Минска прежде, чем Бульбаш начал узнавать его районы. Он был ошеломлен видом родного города. Воспоминания об оставшихся здесь родителях и сестренке не давали сосредоточиться. Да и почти все возможные ориентиры были разрушены. Наконец он различил широкую полосу, поросшую кустарником, уходящую в нужном направлении. Это и была некогда главная артерия белорусской столицы, проспект Франциска Скорины. Пролетев десяток километров южнее, они увидели еще одну широкую разрушенную улицу.

– Вот это, думаю, Партизанский проспект. Нам туда, – произнес Бульбаш.

Полетели вдоль Партизанского в направлении центра города. Впереди возвышалась чудом уцелевшая вышка сотовой связи. Пожалуй, это была единственная вышка в Минске, которая выстояла. Большинство из них находились на крышах, поэтому рухнули вместе с домами. Опустились метрах в трехстах от вышки, на относительно свободную площадку среди руин жилых домов. Дехтер хотел было спросить кое-что у Ментала, но последний, не открывая глаз, сам ответил на еще не заданный вопрос:

– Этот город враждебен нам. Кругом опасность. Но в радиусе ста метров от вертолета и на вышке я никакой опасности не чувствую.

Дехтер резко спросил:

– Что значит «не чувствую»? Опасности нет или ты ее не улавливаешь?

– Не чувствую – значит не чувствую. Если что-то почувствую, я сразу сообщу.

Так и не открыв глаз, Ментал демонстративно отвернулся, дав понять, что разговор окончен.

Десять спецназовцев попарно выпрыгнули из вертолета. Радист был в паре с Дехтером. Как только он оказался вне вертолета, Игоря пробрала дрожь. Не от холода. Скрытая угроза исходила отовсюду. Сквозь резину противогаза был слышен шелест листьев, хотя ветра почти не было. Ему казалось, что сама природа шепчет: «Уходи отсюда, ты здесь – чужой. Уходи, пока жив». Где-то вдалеке раздался вопль то ли неведомого животного, то ли обезумевшего человека. На вопль с другой стороны отозвался какой-то хриплый стон. Радист остановился в нерешительности, но Дехтер уже двигался короткими перебежками, и Радист, пересилив себя, побежал за ним.

До вышки добрались минут за десять. Ржавое облупленное сооружение гордо возвышалось среди руин. Спецназовцы взяли вышку в кольцо. Радист тоже хотел занять свое место в круге, но Дехтер тронул его за плечо и показал пальцем вверх, а потом ткнул пальцем в грудь себя и Радиста. Кудявцев опешил. Ему лезть наверх?! Нет, только не это. Но, глянув на Дехтера, он вспомнил, что разбираться в передатчике – это его задача. Игорь полез по непрочным металлическим ступеням-перекладинам вслед за командиром, стараясь не смотреть вниз. От высоты его мутило. К счастью, уже на десятиметровой высоте они достигли площадки, на которой была установлена будка.

Дехтер крепче сжал автомат. У будки, откинувшись спиной к двери, сидел человек в противогазе и противорадиационном костюме. Капитан включил надствольный фонарь и осветил. Увидев что-то сквозь окуляр противогаза, он опустил автомат и сорвал с незнакомца маску. Это оказался почти скелет. Остатки длинных светлых волос на черепе подсказывали, что, вероятнее всего, погибшим была женщина или девушка.

Дехтер нагнулся над телом, проверяя, не заминировано ли оно, после чего оттащил его от двери. Радист увидел на ржавой двери нацарапанную надпись: «Код 345». Дверь была заперта на навесной замок. Покрутив колесики цифрового замка и про себя удивившись наивности такой меры защиты, Игорь дернул дужку, и замок открылся. Радист потянулся к ручке, намереваясь открыть дверь, но тут же получил жесткий удар по предплечью.

Дехтер, грубо схватив его, отодвинул паренька на край площадки. Командир снял с ремня моток бечевы, размотал его и привязал к ручке двери, жестом приказав остальным спуститься по лестнице. Когда они опустились ниже уровня площадки, Дехтер дернул за бечеву и дверь со скрипом открылась. Взрыва или выстрелов не последовало, и уновцы вновь поднялись на площадку.

Будка была маленькой – в ней едва мог поместиться один человек. Она закрывалась толстой дверью. Видимо, когда-то здесь находилось сложное оборудование. Сейчас на полу стоял увесистый ящик-рюкзак – очевидно, тот самый передатчик, который посылал сообще-

ние. От него через отверстие вверх подымалось несколько кабелей. На ящике лежала пара листов бумаги и карта города. Пока Дехтер подозрительно осматривал помещение, Радист взял в руки письмо, написанное аккуратным, явно женским почерком.

«Я – Галина Коржаковская. Если вы читаете это письмо – значит, моя миссия была успешной. Я один из жителей Минского метро, в прошлом – учитель английского и немецкого языков. Мой голос вы слышали, когда приняли радиопередачу.

Во время Последней Мировой войны около ста тысяч жителей Минска смогли укрыться под землей. Через пять лет нас осталось около десяти тысяч. У нас недостаточно еды, почти нет медикаментов. Мы погибаем от радиации, мутантов, ранее неведомых болезней, голода. Единственной надеждой на спасение является помощь извне. Мы верим, что где-то есть не разрушенные, не зараженные радиацией города, и люди смогут нам помочь. Этот передатчик собран нашими специалистами, он работает от солнечных батарей. Я и еще шесть моих товарищей вышли на поверхность, чтобы доставить его сюда. Дошла только я. Вернуться назад одна я не смогу.

Надеюсь, что кто-то услышит меня и, возможно, успеет прийти. Пока еще у меня есть вода и пища, но я готова к худшему. Прошу вас помочь моему народу. Спуститесь в метро (карта прилагается). Возможно, некоторые станции к моменту вашего прихода окажутся уже не жилыми, поэтому, если вы не встретите людей сразу, не останавливайтесь, идите дальше. И обязательно дайте знать о своем приходе всем станциям, что бы вам ни говорили. Минское метро не едино – помните об этом. Но все жители имеют право узнать, что у них есть шанс на спасение. Все вправе рассчитывать на помощь».

Ниже неуверенным почерком было дописано:

«Прошло две недели. Я умираю. Я никогда больше не увижу своих детей. Прошу вас – найдите их, Сергея и Валентину Коржаковских. Передайте им, что я дошла и выполнила свой долг. И помогите моему народу, сообщите о своем приходе ВСЕМ станциям. Прощайте. Галина К., 35 лет».

У Радиста защемило сердце. Он представил себе то отчаяние и одиночество, тот ужас, который испытывала молодая женщина, оставшись одна в ожидании неминуемой смерти на этой вышке. Он почти физически пережил ее тоску по детям. Он оценил мужество этого человека и непреклонность в выполнении задуманного. Ему стало стыдно перед ней за свои страхи. Хотелось крикнуть этому трупу в костюме химзащиты, что все, что она сделала, было не зря, что они дошли и обязательно помогут минскому метро. Если там еще кто-то остался.

Дехтер взял у него из рук листки, быстро пробежал глазами, сунул вместе с картой в карман, а Радисту тихо сказал:

– Нам пора.

Спускаться по лестнице было страшнее, чем подыматься. Из головы не выходила мертвая сталкерша. Радист себе поклялся, что сделает все от него зависящее. И он обязательно должен найти детей погибшей.

Вернувшись в вертолет, Дехтер коротко доложил обстановку. Посовещавшись, решили пока оставить передатчик на месте и спускаться в метро, полагаясь на карту мертвой сталкерши и память Бульбаша.

Бульбаш помнил, что один из входов на станцию Партизанская Минского метро был со стороны универмага «Беларусь». Здесь раньше находился подземный переход под проспектом, совмещенный с супермаркетами и входами в метро. Москвичей удивило, что гермоворота ока-

зались установлены еще на спуске в подземный переход. Снаружи они были занесены толстым слоем песка, полусгнивших опавших листьев и какого-то мусора. Похоже, их давно не открывали.

Бульбаш первым подошел к воротам и трижды стукнул. Прошла минута, ответа не было. Бульбаш стукнул сильнее: гул прозвучал в мертвой тишине города, как гром. Если бы кто-то был по ту сторону ворот, их обязательно бы услышали. Но и спустя несколько минут никто не отзывался.

Молчаливый Комиссар стал внимательно обследовать зону ворот и нашел странного вида круглый барельеф, явно имевший утилитарное значение. Пошарив руками в куче листьев под «барельефом», коммунист нащупал какой-то рычаг и стал его поднимать. «Барельеф» оказался герметичным лепестковым затвором люка. Затвор разошелся в стороны, и перед уновцами разверзлось отверстие метрового диаметра. Им повезло – затвор гермолюка не был закрыт изнутри. Дехтер осветил в отверстие, кивнул одному из бойцов, и тот пролез в темноту. Чуть позже боец высунулся из отверстия и показал рукой: «опасности нет, путь свободен». Уновцы один за другим стали исчезать в жерле гермолюка.

Они оказались внутри длинного подземного перехода. Когда-то здесь явно жили люди. Потолок был закопчен, повсюду разбросаны какие-то металлические и деревянные каркасы, одежда, посуда. Но сейчас тут царило запустение.

По полу, стенам и потолку вились стебли или корни растения. Какой-либо намек на зеленый цвет отсутствовал: растение было грязно-желтым, и потому казалось мертвым. Эти стебли-корни беспорядочно ветвились – от толстых, толщиной в орудийный ствол, до тончайшей паутины – и сплошной сеткой покрывали все пространство. Свободным оставался только длинный проем посередине, ведущий в трубообразный туннель, во мраке которого терялись лучи фонарей.

Ментал громким шепотом произнес:

– С виду – растение, а аура больше похожа на животную. И оно явно реагирует на нас. Только вот не могу понять – как.

Уновцы, вглядываясь в неподвижную путаницу, не поняли, что Ментал имеет в виду под словом «реагирует». Пошли дальше. Лекарь (спецназовец-медик) сообщил данные дозиметра:

– Уровень радиации намного меньше, чем снаружи, но все же зашкаливает. Противогазы не снимать!

В стене подземного перехода сквозь плети растения Дехтер разглядел вход в какое-то помещение, но Бульбаш его остановил:

– Тут был подземный супермаркет. Вход в метро намного дальше.

Бульбаш указал на другой проем, над которым висела покосившаяся запыленная вывеска с большой буквой «М». Ниже была прикреплена облупленная табличка, на которой некто вывел большими буквами «МУОС...» и дальше что-то нечитаемое. Проем оказался закрыт похожими гермоворотами, но справиться с люком на этот раз удалось с трудом. Пришлось очищать место от прочных побегов штык-ножами. Когда резали и рвали побеги, Дехтеру, стоявшему в стороне, показалось, что растения вокруг издают какой-то звук, похожий на шелест или шипение. Он посмотрел на Ментала, но тот был погружен в свое обычное состояние.

Проследовав внутрь, москвичи увидели те же толстые, средние, тонкие и тончайшие грязно-желтые стебли местной флоры. Здесь заросли были еще гуще. Для прохода оставался лишь узкий коридор, по которому в ряд плечом к плечу могли идти два человека. Лекарь посмотрел на дозиметр и снял с головы противогаз. Остальные уновцы последовали его примеру. Воздух был пропитан сыростью и запахом гнилых листьев.

Ментал тревожно прошептал:

– Я чувствую людей, но не могу определить, сколько их, где они и как настроены. Мешает это растение. Оно сильно фонит.

Дехтер скомандовал:

– Идем вперед по двое. Полная боевая готовность!

Раздались щелчки автоматных предохранителей.

Они прошли по вестибюлю метро мимо касс. Идти было трудно – приходилось то и дело нагибаться, протискиваться в сужения зарослей, освобождаться от цепляющихся за одежду побегов. Создавалось тревожное ощущение, что люди находятся в чреве какого-то животного и что вот-вот это чрево начнет сжиматься.

Спустились по лестнице. Кое-где коридор внутри зарослей раздваивался, тогда шли наугад, точнее, в более просторное ответвление. С перрона спустились к рельсовому полотну. Стало немного спокойней: есть рельсы и шпалы, значит, это туннель, значит, они в метро, а метро – это их стихия. Коридор снова распался на две ветви, идущие в противоположные стороны – по туннелям вдоль полотна к соседним станциям. Бульбаш, подумав, указал налево:

– Там центр города, следующая станция – Тракторный Завод. Предлагаю идти туда.

Дехтер кивнул. Вошли в туннель. Метров через тридцать увидели на земле труп мужчины. Он был совершенно голым и очень худым, как будто высохшим. Его тело было оплетено уже знакомым растением. Когда Дехтер пригляделся, то увидел, что человек буквально пронизан его ветвями и побегами. Некоторые стебли, входившие в тело, едва заметно шевелились и пульсировали, как будто выкачивали из трупа содержимое.

Даже видавших виды спецназовцев передернуло от этого зрелища. Тихо матерясь, они поглядывали по сторонам на обступивший их лес. Вдруг уновец, который замыкал строй, вскрикнул и упал. Все обернулись, не понимая, что произошло с их товарищем. На второго замыкающего в это время напал какой-то полуголый бородатый мужик, выскочивший из зарослей. Дикарь оказался явно слабее и в следующую секунду был отброшен мощным ударом, но тут раздался боевой вопль, подхваченный десятками глоток со всех сторон. Дикари выпрыгивали из самой гущи растений, сыпались сверху, подбегали сзади и с боков. Началась стрельба. У некоторых из нападающих были странные наросты на груди, словно рюкзаки, подвешенные спереди. Радист увидел, как один такой нарост раскрылся, словно цветочный бутон, и оттуда в мгновение выскочила, как на пружине, какая-то кишка толщиной с руку. Кишка метнулась и обхватила за шею спецназовца, стоявшего рядом с Кудрявцевым. У того хрустнули шейные позвонки, и он, обмякнув, упал лицом вниз. У Игоря было ощущение, что все это происходит во сне. Неожиданно заросли перед ним распахнулись, и оттуда выскочил дикарь. Вернее, это была женщина с отвратительным, перекошенным от ярости лицом. Она прыгнула на Радиста, схватив его цепкими пальцами за шею, разрывая ногтями кожу, и опрокинула в заросли. Игорь пытался отбиться от нападавшей стволом автомата, но та уже тянулась своими пальцами с длинными ногтями к его глазам. В этот момент еще чьи-то руки схватили его за шею и начали тянуть к себе. Радист не мог освободиться от этого захвата, так как отбивался от скулящей дикарки, настырно лезшей к его глазам. Когда его уже затаскивали внутрь роши, дикарку отбросило, и тут же уновцы, схватив Кудрявцева за ноги, выдернули назад. Дикарку застрелил Комиссар – она лежала с кровоточащей дырой возле уха и с застывшим бешеным оскалом. Комиссар продолжал стрелять с двух рук, в каждой из которых было по «стечкину». Он принципиально пользовался исключительно своими именными пистолетами, и надо сказать, его оружие было здесь самым подходящим. Другие бойцы не столько стреляли, сколько отбивались прикладами автоматов, слишком длинных и неудобных в тесноте этих зарослей.

Приказав помочь раненым, Дехтер скомандовал:

– Уходим!

Уновцы подхватили Радиста, вяло тащившего за ремень свой АКСУ. Как сквозь пелену до него донесся крик капитана:

– Зачистить заросли!

Теперь, когда москвичи оторвались от дикарей, у них появилась возможность стрелять. Двенадцать автоматов и два пулемета начали раздавать свинец во все стороны. Ошметки стеблей валялись, словно листопад. Доносились короткие людские вскрикивания. Уновцы шли быстрым шагом – бежать здесь было невозможно.

Дехтер увидел на одном из толстых стеблей такой же нарост, какой был у дикарей. Нарост раскрывался. Капитан всадил в него автоматную очередь. В ту же секунду из нароста вывалилась и беспомощно повисла кишка. Края раскрывшегося бутона судорожно задергались.

Спустя десять шагов они увидели еще два бутона, потом еще три... Лес объявлял им войну.

– Огнеметы! – скомандовал Дехтер.

Два десятиметровых факела вырвались из длинных стволов, выжигая дорогу в зарослях. Пробежав весь коридор, спецназовцы повторили огненный залп. Так они продвигались все дальше и дальше, уже без потерь.

Сзади доносились вопли и улюлюканье дикарей. Судя по всему, их там было не меньше сотни, но открыто преследовать отряд они не решались.

Глава 3

Партизаны

Когда неизбежность мировой войны стала очевидной всем, кривая глобального политического кризиса неожиданно пошла на спад. Конфликтующие стороны сели за стол переговоров, и казалось, что все идет к лучшему. Президент Белоруссии Иванюк, поддавшись на уговоры жены и детей, отпустил их на неделю в Беловежскую пущу, на президентскую дачу. Они не выезжали из Минска уже больше года. Вернувшись поздним вечером в свой просторный дом, он почувствовал себя одиноко и неуютно, как это всегда бывает в первый вечер после отъезда близких. Налил себе рюмку дорогого коньяка и сел перед телевизором, выключив звук. Он перебирал в памяти какие-то приятные события из их жизни и вдруг одернул себя: что за сентиментальные настроения? Старею... Или это дурные предчувствия?..

На третий день переговоров между парламентариями произошел неожиданный конфликт. Но конечно, не он явился причиной глобальной катастрофы, он только подтвердил наличие всеобщего тупика на фоне безумного, бескомпромиссного реваншизма. Теперь уже трудно понять, кто первым отдал фатальный приказ. В ход пошли красные кнопки.

В Минске заревели сирены. Члены Правительства, высшие чины и обслуживающий персонал по переходам спустились в огромный бункер под Домом Правительства. Через пять минут после объявления тревоги вертолет с семьей президента вылетел из Беловежской пущи. Иванюк хотел дождаться родных, но офицеры из службы охраны почти насильно увели его в бункер.

Электромагнитный импульс вывел из строя навигационные системы вертолета. Несмотря на это, опытный летчик довел машину до окрестностей Минска и искал место для посадки в рушащемся и пылающем городе. Запоздалая боеголовка упала как раз под пролетающим вертолетом, и взрыв в долю секунды превратил машину в оплавленный кусок металла.

Уцелевшие члены правительства и высшие чиновники силовых ведомств собрались в зале совещаний бункера. Электронная система сбора информации и слежения, камеры наружного наблюдения, дипломатические каналы связи, белорусские спутники, которые функционировали еще несколько часов после начала удара, свидетельствовали о чудовищных разрушениях на территории страны. Надежды на то, что удар будет дозированным, не осталось – стало ясно, что сбываются самые мрачные прогнозы развития событий.

Президент много раз пытался представить себе последствия возможной катастрофы, но действительность оказалась кошмарней самых ужасных предположений. Он был растерян. Надо было отдавать какие-то распоряжения, но он просто не знал, какие... и зачем. Большинство членов правительства пребывали в таком же состоянии. Они просто не могли адекватно оценить, что же произошло.

На следующий день, по системе туннелей, соединявших бункер с метро и иными коммуникациями подземного Минска, входившими в систему МУОСа, были направлены разведчики. Вернулись не все. Из докладов следовало, что в системе МУОСа скопилось огромное количество людей, однако в результате запоздавшего оповещения многие попали в убежища уже после взрыва – с тяжелыми или смертельными травмами, ожогами, поражениями радиацией. Медиков не хватало. Подземные склады медикаментов и продовольствия оказались заполнены менее чем на треть, хотя по довоенным отчетам они должны были быть забитыми до отказа.

Уровень радиоактивного загрязнения на поверхности значительно превышал прогнозный, а установленные гермошлюзовые системы явно были бракованными. В самом метро, которое едва вмещало всех спустившихся, радиация отмечалась чуть выше допустимой отметки, а

верхние помещения системы МУОСа вообще оказались непригодными для постоянного пребывания там людей.

Разрушения на поверхности были катастрофическими, оставшиеся там в живых люди получили летальный уровень радиации. Они сбивались в группы и пытались любыми средствами прорваться в метро и другие убежища.

Системы внутренней связи в МУОСе, опять же вопреки довоенным докладам, не были приведены в готовность, недоставало жизненно необходимых генераторов и другого оборудования.

Мрачно выслушав доклады и сделав оргвыводы в отношении виновников, Валерий Иванов обвел взглядом свою команду: «Что нам делать дальше?»

Несколько часов ушло на обсуждение того, как наладить связь между убежищами, как управлять разветвленной системой поселений, как организовать охрану складов и, главное: чем кормить, как лечить и где селить выживших?..

Совещание закончилось уже за полночь. Президент остался в зале заседаний один. Мониторы на стене бесстрастно регистрировали наблюдения камер, установленных на поверхности и в убежищах. Правда, большая часть экранов уже «снежила». Одна чудом уцелевшая камера передавала четкую картинку с площади Якуба Коласа. Здания были разрушены, филармония пылала, на проспекте сгрудились горящие или уже сгоревшие автомобили. Стволы деревьев были обуглены. Люди беспомощно толпились у входа в метро – их силуэты были видны в отблесках пожара. И кругом лежали трупы, трупы, трупы – тех, кто бежал в метро и не успел. Маленькая девочка, лет четырех, в светлом платьице (совсем как его дочь Валерия), сидела возле неподвижной женщины и трогала ее за лицо, видимо что-то говоря, наверняка плача. Ребенок уже получил смертельную дозу радиации и скоро упадет рядом с матерью. Эта девочка – одна из его народа, она умирает, и президент не смог ей помочь. Он не смог защитить десять миллионов, которые умерли, умирают или умрут в муках в ближайшее время. Он даже не смог спасти свою семью.

Иванюк растерянно, не отрываясь смотрел на экран. Он вспоминал, как когда-то хотел стать президентом. Кажется, грезить властью он начал еще в детские годы. В школе про него говорили «лидер», и он, действительно, стремился возглавлять какие-то бессмысленные советы и собрания. Выпускные экзамены, золотая медаль, поступление в нархоз. К этому времени огромная страна развалилась, советы и собрания вышли из моды, и Валерий как бы ушел в тень. Правда, на время. Пока его сокурсники «отрывались по полной» или занимались в свободное от сессий время коммерцией, он зубрил экономическую литературу, пытаясь понять, почему у них там все так хорошо и что сделать, чтоб тут не было так плохо. Он мог бы остаться в столице, но, следуя совету Цезаря, вернулся в свой поселок, где было проще стать первым. Для начала он стал директором льнозавода, легко обойдя других конкурентов – в основном дураков или алкоголиков. В первые же выборы был избран депутатом, что, впрочем, оказалось совсем не трудно: просто на льнозаводе, где работала чуть ли не половина поселка, незадолго до выборов повысили зарплату(не важно, что это было сделано за счет очередного кредита). Парламент, новые выборы. Зарисовавшись перед репортёрами на популярных темах, заведя достаточно важных связей в верхах, он шагнул в правительство, а оттуда – в Совбез. Еще одни выборы... И вот сбылась его уже давно оформившаяся мечта – он выиграл главные выборы своей жизни, как всегда не совсем честные. Пафосная инаугурация, присяга. Недолгие месяцы президентства, работа с утра до ночи. Иванюк убеждал себя, что работает для народа. На самом деле он просто страстно хотел набрать баллов, чтобы выиграть следующие выборы. Ну, может быть, еще хотел, чтобы им восхищались жена и дети. Он любил, когда его фотографировали с семьей: крупный темноволосый мужчина с такой искренней улыбкой и умными глазами, а рядом интересная, стройная дама – его жена – и две девочки в светлых платьях. Образ получался эффектный – ещё один козырь при подготовке к будущим выборам. И даже МУОС,

можно сказать, его детище, способен был дать предусмотрительному президенту огромные дивиденды в случае какого-нибудь маленького или среднего военного конфликта. Иванюк не то чтобы желал, просто иногда представлял, как шальная вражеская боеголовка падает где-нибудь в Дзержинске или Заславле. А вовремя предупреждённые минчане, спустившись в комфортабельные подземелья, не переставая удивляться, восхваляют своего спасителя-президента. Как глупо!..

– Господин президент!

Валерий поднял голову, сквозь слезы посмотрел на вошедшего. Рядом с ним стоял Семен Тимошук – майор из службы безопасности. Этот уже немолодой мужик – единственный человек, с которым глава страны мог поговорить по душам и выпить по сто грамм, не боясь сказать лишнего. Он сам просил Тимошука называть себя на «ты», когда они общались один на один. Тот соглашался, но никогда раньше этого не делал.

– Валерий, возьми себя в руки. Ты не можешь расслабляться. Сегодня ты нужен людям, как никогда. Без президента будет хаос. А сейчас надо выспаться.

– Да, Семен, согласен, – устало ответил он старому майору.

* * *

Радист вздохнул с облегчением: заросли закончились. Идущие впереди уновцы остановились перед решеткой, перекрывавшей тоннель. Пока спецназовцы тщетно пытались ее открыть, Радист рассматривал прикрепленный к решетке под самым потолком предмет из двух соединенных крест-накрест балок, обвязанных цветными лентами. Что-то напомнил ему этот предмет, но вот что?

Путь вперед закрыт. Сзади приближались дикари. Спецназовцы перезарядили оружие, готовясь к бою. Вдруг со стороны решетки включился свет. Два мощных прожектора ослепили группу, и кто-то приказал им:

– Бросайте оружие на эту сторону заграждения!

По ту сторону решетки в столбе света появились два неспешно приближающихся человека. Оба были в длинных черных балахонах с капюшонами. У одного в руках – «калашников», у второго – странный предмет, видимо, тоже оружие.

Некоторые из уновцев прицелились в чужаков, но это не произвело на подхитивших никакого впечатления. Они повторили требование:

– Бросайте оружие.

Лекарь насмешливо спросил в ответ:

– А других пожеланий не будет?

Один из незнакомцев, не обращая внимания на издевку, спокойно сообщил:

– У вас есть два варианта: бросить оружие на нашу территорию, после чего мы откроем вам проход. Или гордо умереть с оружием в руках, когда Лес начнет вас душить, а лесники – грызть глотки.

Дехтер обратился к «главному»:

– У нас там осталось три товарища. Помогите их отбить.

– Боюсь, ни вы, ни я, да и никто, кроме Господа Бога, помочь им уже не сможет. Вам лучше теперь подумайте о себе.

Улюлюкание дикарей приближалось. Выбора у отряда не было. Люди в балахонах казались адекватными и в принципе не агрессивными. Расанов, положив руку на плечо Дехтера, первым бросил через решетку свой автомат. Секунду помедлив, капитан сделал то же самое, отдав команду:

– Сдать оружие. Это – свои.

Бойцы неуверенно стали перекидывать через проемы решеток оружие. С той стороны подошло еще несколько человек в таких же балахонах, невозмутимо собирая стволы. Решетку, впрочем, они открывать не спешили, и Дехтер стал нервничать. Но когда все оружие было

сдано, первый говоривший все же открыл решетчатую дверь. Уновцы не мешкая зашли внутрь. Подоспевшие вскоре дикари подняли злобный вой. А мужчина в балахоне, который здесь, видимо, был старшим, спокойно сообщил:

– Я думаю, у вас осталось еще оружие. Мы не будем вас пока обыскивать, но не испытывайте судьбу. А сейчас вас всех проверят на ленточников. Подходите по одному, командир – первым, остальные остаются у решетки.

Дехтер подошел к посту и понял, почему незнакомец вел себя так уверенно: в проходе за ним стояло человек тридцать местных – в балахонах и с оружием наизготовку.

Дехтеру отодвинули воротник, посветили фонарем, что-то там высматривая, а потом несильно укололи пониже затылка. Эти манипуляции вызвали у него недоумение, но на вопрос «что вы делаете?» ответа он не получил. Той же странной процедуре подверглись и остальные уновцы. Затем старший удовлетворенно объявил:

– Все нормально, результат отрицательный. Поведем вас в Верхний Лагерь. Если есть противогазы – надевайте. Там радиация выше...

Следуя за провожатым, москвичи прошли еще метров двадцать по туннелю, потом свернули в какой-то коридор. Два или три раза в темноте перед ними открывались и закрывались двери, видимо герметичные. Отряд поднимался по лестницам до тех пор, пока не очутился в довольно просторном холле.

Первое, на что обратил внимание Радист, это тошнотворный, сладковатый запах гнилого мяса. Этот запах он чувствовал еще возле решетки в тоннеле, но сейчас вонь стала почти невыносимой. «Уж не жрут ли они падаль?» – подумал про себя Кудрявцев.

Помещение освещалось тремя тусклыми лампочками. У стен стояли ветхие сооружения из картона и фанеры. Туда-сюда медленно передвигались люди в балахонах почти до земли. Лиц видно не было, на руках у всех – грубо связанные рваные перчатки. По походке и едва различимым формам можно было определить, что некоторые из них – женщины. При виде этой станции и ее жителей Радист не мог отвязаться от мысли, что они попали в секту служителей тьмы, которые готовятся к оргии и вот-вот принесут их в жертву своим злым богам.

Условием возможности дальнейшего общения был обыск. Человек двадцать местных со всей тщательностью, но вежливо занимались этим. В результате на постеленной тряпке появилась горка пистолетов, ножей, запасных магазинов к автоматам, ручных гранат и прочего добра.

– Теперь, уважаемые гости, прошу вас объяснить, кто вы, откуда и зачем сюда пришли, – строго сказал старший. – Говорите только правду. У нас есть простой способ проверить ваши слова.

Переглянувшись с Дехтером, Расанов выступил вперед и рассказал о причинах и цели их экспедиции. Старший, молча выслушав, не спешил с выводами и недоверчиво осматривал бойцов. Стражники начали комментировать от себя:

– Да, для ленточников они слишком откормлены. Те ж дохлые...

– Америкосы это, вам говорю. Я никогда в перемирие с ними не верил. Вот ведь, сзади решили подползти! К стенке их надо или наверх голыми выгнать, пусть пешком дуют в свою Америку.

Расанов решил вступить в диспут:

– Про какую Америку вы говорите? Мы – россияне, мы из Московского метро.

– Хватит, – прервал старший. – Мы побеседуем с каждым из вас в отдельности и сравним ваши показания. Если что – не сердчайте...

Радиста допрашивала женщина. Допрос проходил в темном закутке, составленном из листов фанеры, подпертых по бокам кирпичами и досками. В спину Игоря дышал конвоир, держа в руках какое-то странное оружие. Лицо женщины рассмотреть не удавалось – мешал низко опущенный капюшон балахона. Женщина явно была больна: она громко и хрипло каш-

ляла, иногда замирала, как будто от сильного спазма. Вообще многие жители этой непонятной станции производили впечатление нездоровых, немощных: ходили медленно и ссутулившись, часто стонали и тяжело вздыхали.

Женщина начала без вступлений и довольно недружелюбно:

– Кто ты такой и откуда будешь?

– Я – Игорь Кудрявцев. Из Москвы.

– С Московской линии нашего метро, что ли?

– Нет, из Московского метро.

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь неприятным сопением конвоира сзади.

– А я и не знала, что московское метро соединяется с минским, – с насмешкой произнесла женщина.

– Оно не соединяется. Мы сюда на вертолете прилетели, по воздуху.

Последовала еще более долгая пауза.

Допрос шел долго. Хотя обе стороны общались на русском языке, казалось, что они с разных планет. Радист несколько раз разъяснял местной обстоятельства приема радиопередачи (что такое радио, она представляла смутно). Он терпеливо повторял ей, что они прилетели, чтобы наладить связь, а по возможности, и постоянный контакт с их метро. Рассказал про вертолет, вышку мобильной связи, их путь сюда и столкновение с дикарями в дебрях бело-желтого леса.

Но было ясно, что женщина ему не верит. Она несколько раз выходила, оставляя его наедине со стражником, с кем-то совещалась. До Радиста долетали приглушенные фразы: «Все, что они говорят, сходится... но легенду можно выдумать... С другой стороны, ты видел их оружие... во всем Муосе столько боеприпасов ни у кого не осталось, даже в бункерах Центра... А пайку их видел... тушенка... в Муосе такой нигде не делают... да и откормленные смотри какие... Неужто и вправду с Москвы... Здорово б, если б это оказалось правдой... Но кто мог им послать сигнал?.. Короче, мы не разберемся, нужно в нижний лагерь их, там пусть Талашу докладываются».

Через некоторое время Радисту показалось, что женщина начинает ему верить, хотя и пытается это скрыть. Ее выдавали вопросы, которые она задавала: «Есть ли у вас радиация? Много ли у вас мутантов? Чем вы питаетесь?». Но на некоторые вопросы Радист просто не мог ответить, не понимая их смысла, чем вызывал еще большее недоумение у ведущей допрос: «Есть ли у вас ленточки? Поделены ли ваши станции на верхние и нижние лагеря?»

Почувствовав изменение в настроении, Радист осмелился и спросил:

– А почему вы все здесь так одеты?

Женщина молчала. Радист подумал было, что спросил что-то по местным меркам неприличное. Но вдруг женщина откинула капюшон балахона, и Радист содрогнулся. Правая щека и весь лоб незнакомки были сплошной опухолью насыщенно-бордового, а местами – сиреневого цвета. Опухоль растянула рот в кривую чудовищную улыбку. Глаз заплыл, что делало лицо еще более отвратительным. Впечатление было таким ужасным и неожиданным, что Радист отшатнулся. Потом тихо извинился. Женщина поспешно натянула балахон и, снова закашлявшись, сказала:

– Уж теперь-то точно вижу, что ты не из Муоса. Привыкай, красавчик: здесь ты еще и не то увидишь... Добро пожаловать в Муос... – Потом, помолчав, добавила: – Еще не так давно, до прихода в верхний лагерь, я была самой красивой девушкой в моем поселении, женихов полно было. А теперь... Это все радиация. Ладно, хватит на сегодня...

* * *

Несколько часов они оставались разделенными на группы и под охраной. Местные о чем-то совещались между собой, кого-то ждали, куда-то ходили. Наконец москвичей собрали всех вместе и объявили, что ведут их в нижний лагерь. Они подошли к лестнице, перекрытой гер-

моворотами уже знакомой местной конструкции, поочередно прошли внутрь, спустились и через несколько минут оказались в нижнем лагере.

Если атмосфера верхнего лагеря была угрюмой и зловещей, то в нижнем царил гомон сотен голосов, крики, смех и плач детей. Весь лагерь был похож на муравейник, причем бросалось в глаза, что обитатели его очень молоды: дети, подростки, парни и девушки. Пахло потом, едой и плохо убираемыми туалетами. Людей в балахонах здесь не было видно. Радист, осмотревшись, начал понимать, что верхний лагерь – это подземный вестибюль и переходы, а нижний – собственно, станция метро.

Здесь их встретили более приветливо – поздоровались со всеми за руку и пригласили идти за собой. У некоторых из сопровождавших были перекинуты за спину все те же странные самострелы. На станции, или в лагере, как его здесь называли, буквально некуда было ступить. Привычных для Московского метро палаток здесь было мало. Стояли какие-то коробки, неуклюжие каркасы, обитые досками, фанерой, картоном, тканью и еще неведомым чем. Видимо, эти конструкции и служили жильем для местных. Кое-где у стен убогие лачуги, прижавшись друг к другу, стояли на деревянном помосте и являлись вторым этажом. Такие же помосты возвышались над метрополитеновскими путями с обеих сторон платформы. Под сильно закопченным потолком болталось несколько тусклых лампочек. В трех местах, на свободных от жилья площадках, горели костры, на которых готовилась какая-то еда.

Гостей провели в служебное помещение в торце платформы, где местное начальство устраивало собрания. Даже здесь вдоль стен Радист увидел нары, прикрытые тряпьем, – в перерывах между совещаниями это место тоже использовали как жилье. Их пригласили сесть прямо на нары или на табуретки, которые местные доставали из-под нар, вытирая рукавами от пыли.

Радист обратил внимание на девушку, которая руководила встречей. Сначала он подозрительно ее рассматривал, боясь увидеть признаки ужасной болезни, которой была поражена обитательница верхнего лагеря. Но девушка выглядела вполне здоровой. Более того, она была красива. Приятная манера говорить – с едва заметной улыбкой, при этом глядя собеседнику в глаза – делала ее очень привлекательной. Убедившись, что все готовы ее слушать, она заговорила легко и складно, как будто заранее готовила свою речь:

– Чтобы упростить наше дальнейшее общение с вами, сразу скажу, какую информацию о вас мы получили из Верхнего лагеря. Совет верхнего лагеря сообщил нам, что вы появились со стороны Партизанской, называете себя жителями Московского метро, прилетевшими сюда на вертолете на зов какой-то радиостанции. Совет верхнего лагеря не нашел никаких данных, которые бы опровергли ваше сообщение. Что касается истинных целей вашего прихода в Муос и того, являетесь ли вы друзьями и теми, за кого себя выдаете, проверить их непросто. Мы допускаем, что сказанное вами – правда, но вынуждены относиться к вам с определенной осторожностью. Мы постараемся в разумных пределах оказать вам содействие в осуществлении ваших целей. Но оружие, как вы сами понимаете, вернуть сейчас не можем. Это будет сделано при определенном условии, о котором мы поговорим позже. Прежде чем задать вам интересующие нас вопросы, мы готовы ответить на ваши.

Девушка проговорила все это очень быстро, на одном дыхании. Радист едва уловил смысл этой протокольной речи. Он был готов биться об заклад, что его спутники, привыкшие слышать лишь короткие команды, не поняли и половины того, что она выдала. Расанов, напротив, оценил ораторские способности и невольно кивнул, хотя был недоволен решением по поводу оружия.

– Что это за люди в длинных одеждах в поселении, которое вы называете верхним лагерем? Они с вами заодно? – спросил кто-то.

Девушка все так же быстро заговорила, как будто ожидала этого вопроса:

– По вашим рассказам, в Московском метро ситуация гораздо более благополучна, чем у нас здесь. Нам приходится выживать в очень трудных условиях. Минское метро, основная часть обитаемого Муоса, проложено на небольшой глубине. Уровень радиоактивного загрязнения здесь выше. Мы очень зависим от поверхности: там у нас находятся картофельные плантации и некоторые мастерские. Решить все свои проблемы эпизодическими рейдами на поверхность мы не можем, а средств индивидуальной защиты недостаточно. Этим продиктована та жесткая социальная структура и схема выживания, которая у нас принята. На поверхности вынуждено работать на постоянной основе большое количество людей. Это неминуемо ведет к облучению со всеми известными последствиями. А количество мутаций среди родившихся в метро детей у нас и так слишком велико. Поэтому в Партизанских Лагерьях, то есть на наших станциях, принят Закон, согласно которому каждый гражданин живет в нижнем лагере до достижения определенного возраста. Жители нижнего лагеря обучаются, женятся, рожают детей, растят их, работают на фермах, торгуют с другими станциями. Потом все, за исключением специалистов, переходят в Верхний лагерь. Радиация там значительно выше, работы связаны с выходом на поверхность: на плантации и в мастерские. опережая ваш вопрос, скажу, что в верхних лагерях люди живут недолго, от трех до десяти лет. Облучение приводит к лейкемии, раковым заболеваниям, заболеваниям кожи. Именно поэтому они ходят в балахонах, которые позволяют скрывать внешние проявления болезней, а также являются символом их подвижнической жизни во имя верхнего и нижнего лагерей.

Теперь Радист понял, что за запах он чувствовал в верхнем лагере – это был запах разложения, запах гниющих заживо людей. Он спросил:

– И с какого возраста вы переходите в верхний лагерь?

– Обычно – в двадцать три года...

Это было очередным шоком для москвичей. Большинство из них были старше названного возраста, а значит, по местным законам должны находиться в верхнем лагере, в радиоактивном аду; работать на поверхности без средств индивидуальной защиты и заживо гнить там. Именно с этим возрастным разделением была связана сразу бросившаяся в глаза молодость обитателей нижнего лагеря.

Услышанное надо было переварить. Местные, решив, что возникшая пауза означает удовлетворенное любопытство гостей, начали задавать свои вопросы. Радисту это было неинтересно. Он хотел посмотреть станцию. В этом ему никто не препятствовал.

Выйдя на платформу и оглядевшись, Игорь обратил внимание на то, что весь пол был расчерчен прямоугольниками полтора на два метра. Он понял, что облезлые линии потрескавшейся краски и большие неаккуратно нарисованные цифры – это обозначение номеров «квартир» местных жителей. Большинство так называемых квартир было отгорожено от внешнего мира фанерными или картонными стенками либо убогими тряпичными ширмами. Но некоторые вообще не имели стен, и их жильцы просто ютились в пределах своих прямоугольников на виду у всех.

Внутри одной из таких «квартир» стояли ящики, видимо служившие для жильцов одновременно стульями, столом и шкафами. В ней Радист увидел троих детей: малыша, сидевшего голый попой на одном из ящиков и с деловым видом перебиравшего какие-то мелкие предметы, и чумазую девочку лет тринадцати. Девочка держала на руках грудничка, завернутого в грязные пеленки. Она была бы миловидной, если бы не торчащие из-под немых волос, словно локаторы, уши и чересчур худое лицо.

Пока Радист рассматривал девочку, она подняла голову, посмотрела ему прямо в глаза и улыбнулась. Улыбка лопухой девчонки была забавной, и Радист тоже ей улыбнулся. Реакция незнакомки была неожиданной для Игоря: она положила ребеночка прямо на ящик, подошла к нему почти вплотную и задорно, совсем не стесняясь, сообщила:

– Привет! Я Катя! А ты не из местных! Не из партизан...

Это был не то вопрос, не то утверждение. Радист невольно оглянулся: не видит ли кто-то из отряда, что он общается с детьми. Он не хотел давать новый повод для насмешек. Но эту девочку, которая, так невинно улыбаясь, смотрела прямо в глаза, ему почему-то стало жалко. Своими торчащими из-под волос ушами она напоминала ему какую-то смешную зверюшку из детских книжек. Он решил ей ответить со взрослой шутливостью в тон ее вопроса:

– Привет! Я – Игорь! Не местный. Не этот, как там ты сказала...

Что-то из сказанного им очень обрадовало девочку. Она стала улыбаться еще шире, схватила его за руку и, забавно ее трясая, быстро заговорила:

– ... Не из партизан! Игорь! Очень приятно, очень приятно. И имя у тебя такое красивое. Ты тоже ничего. И одежда у тебя классная – у партизан такой нет ни у кого. А сапожищи – вообще супер! И накачанный ты, наверно. Ну ты просто такой, такой...

Радист смутился и не знал, как прервать ее, но в этот момент он увидел, что из квартиры девчонки выбежал малыш и засеменил к ним босыми ногами. Перебив девочку, Радист сказал первое, что пришло в голову:

– Это твой братишка?

Девочка удивленно обернулась. Улыбка на ее лице медленно скукожилась. Радист услышал чей-то голос:

– Катенька, иди домой. Слышишь, твоя дочка плачет?

До Игоря не сразу дошел смысл сказанного. Действительно, из «квартиры» девочки-подростка раздавался слабенький плач той малютки, которую она оставила лежать на ящике. Из соседнего картонного домика высунулось женское лицо:

– Иди, Кать, покорми ее...

Девочка, казалось, сейчас расплчется. На лице ее появилась смешная обиженная гримаса. Она взяла на руки мальчугана и неохотно пошла к дочери. Ошеломленный Радист побрел назад к своим. В Катиной соседке он узнал ту девушку, которая так бойко объясняла им положение вещей в Муосе. Обращаясь к Радисту, она грустно сказала:

– Бедная девочка. Ее муж недавно умер. Осталась одна с двумя детьми.

– Так это ее дети?! Сколько же ей лет?!

– Скоро шестнадцать будет.

Катя в это время с горькой гримасой на лице, приподняв грязную блузку, кормила махонькой грудью ребенка.

– Для вас это, может быть, дико. Но для нас жизнь длится только до двадцати трех лет. Надо все успеть. Поэтому и взрослеют у нас рано. Женятся, бывает, даже в двенадцать, а к двадцати некоторые имеют по пять детей. Община перенаселена, но ей нужны новые люди, чтобы заменять тех, кто уходит наверх.

Радист слушал, опустив голову. Трудно было поверить, что это лопухое создание, которому надо бы играть в куклы, уже родило двоих детей. Видимо, поняв настроение Радиста, девушка переменяла тему:

– Кстати, меня зовут Светлана... Если хочешь, я покажу тебе весь лагерь.

Радисту, которого в Содружестве девчонки игнорировали, внимание сразу двух представительниц женского пола показалось чем-то нереальным. Он не сразу пожал протянутую ему прохладную ладонь девушки и, смутившись, представился:

– Игорь.

Светлана повела его вдоль перрона, по узкому коридору меж безобразных строений. Когда они опять проходили мимо квартиры малолетней Кати, та отчаянно крикнула:

– Игорь, приходи ко мне сегодня ночью, я буду ждать!..

Игорь промолчал, Светлана только вздохнула.

Знакомство со станцией заняло не более получаса. Радиста удивила генераторная, представлявшая собой восемь бесколесных велосипедов. Цепной привод от педальных звездочек шел к генераторам, вырабатывавшим ток. Восемь подростков крутили педали, весело болтая друг с другом. Отсюда электричеством питались лампы станции и заряжались аккумуляторы переносных батарей. Со слов Светланы, нужды обоих лагерей генераторная обеспечивала, однако для работы мастерских на поверхности ток подавался с термальной электростанции. Слова «термальная электростанция» Светлана произнесла с загадочной торжественностью, но, когда Радист уточнил, что это, она пожала плечами: то ли не знала, то ли это была секретная информация.

Дальше шла небольшая мастерская с несколькими верстаками, столярными и сверлильными станками, опять же на велосипедном приводе. Те, кто постарше, работали на станках, младшие крутили педали, заодно наблюдая за работой старших: когда они подрастут, им придется слезть с велосипеда и занять рабочие места, освободившиеся после ухода их наставников в Верхний лагерь. Потом они вышли к «причалу» – хитроумному сооружению из помостов, рычагов и лебедок, к которому раз в двое суток подходили торговые велодрезины.

– Там, откуда мы прилетели, я велосипед видел раз или два, и то у кого-то из детей богатеньких родителей. А у вас тут кругом велосипеды...

– До войны недалеко отсюда большой велосипедный завод стоял. Когда объявили тревогу, многие рабочие с этого завода оказались в метро. Специалистов было даже слишком много. Собственно, завод и сейчас стоит, и нужных запчастей на его складах до сих пор навалом. Кстати, там есть и мастерские, в которых трудятся жители верхнего лагеря – некоторые станки невозможно было переправить сюда – тяжелые, да и заняли бы слишком много места. Партизаны держат в Муосе монополию на производство велосипедной тяги... А вот это наша школа.

Школой назывался отгороженный металлической сеткой участок платформы. Человек двадцать, а то и больше детей в возрасте от пяти до десяти лет, сидя на лавках, слушали учителя.

– Я тоже здесь училась. Раньше у нас было пять классов, сейчас сократили до четырех. Администрация не видит смысла постигать науки тем, кого через десять лет ждет верхний лагерь. Правда, некоторым везет. Раз в год приезжают экзаменаторы из Центра, проводят тесты, отбирают одного-двух ребят из выпускного четвертого класса и увозят их в Университет. Там их будут обучать на врачей, электриков, агрономов, зоотехников. Специалисты не идут в верхний лагерь. Правда, до тех пор, пока могут выполнять свои обязанности.

Светлана рассказала, что остальные дети уже в одиннадцать лет должны работать: сначала няньками в детском саду, потом в ткацкой мастерской, на ферме, на заготовке леса, в генераторной; должны они также участвовать и в боевых действиях. Детский сад стоял рядом со школой и тоже был огорожен металлической сеткой. Юные воспитатели возились с оравой кричащих детей разного возраста. Здесь находились дети погибших родителей, тех, кто перешел в верхний лагерь, или просто работающих пап и мам.

Станция закончилась, и они вышли к одному из туннелей. Тут собралась молодежь, видимо, для обучения стрельбе из тех самых самострелов, которые вызвали презрительные усмешки спецназовцев. Парни и девушки целились куда-то в темноту, и Игорь, приглядевшись, заметил едва различимую мишень. Заметив интерес Радиста, Светлана взяла один из таких самострелов:

– Вы с таким оружием, как я вижу, не знакомы. Это арбалет. Древние люди тоже пользовались арбалетами, но наши мало чем на них похожи. Кстати, в Муосе никто не стреляет из арбалетов лучше партизан. – Девушка начала заряжать оружие, оживленно объясняя. – Немного похоже на ваши автоматы, только вместо пули – стрела, а вместо пороха – пружины. Вот планка с прикладом. Эти металлические зажимы и направляющие желоба удерживают

стрелу до выстрела и задают ей правильное направление полета. Сюда мы кладем стрелу. Ее тупой конец давит на этот упор, к которому крепятся вот эти две пружины по бокам направляющих желобов. Кстати, в некоторых арбалетах пружин бывает и четыре, и шесть. Итак, отводим этот рычаг, он вжимает стрелу, которая через упор натягивает пружины, а потом фиксируется во взведенном состоянии. Целимся...

Светлана быстро и как-то грациозно вскинула приклад арбалета к плечу, замерла на мгновение, нажала на спусковой крючок. Раздался звонкий щелчок. Несмотря на кажущуюся некачественность, оружие было довольно эффективным: Светлана с сорока шагов послала в мишень одну за одной три стрелы. Радист невольно залюбовался девушкой: все она делала легко и красиво.

Под конец экскурсии Светлана с нескрываемой гордостью показала основную достопримечательность лагеря – ферму, которая располагалась в правом туннеле, уходившем к станции Первомайская. Ферма занимала полукилометровый участок и хорошо охранялась. Здесь стояли ряды клеток, в которых визжали свиньи и кудахтали куры. Особенно удивили Радиста свиньи: они находились в тесных клетках с отверстиями для голов и практически были лишены подвижности. По мере роста туша свиньи занимала всю клетку и даже выпирала между прутьев. В результате этого взрослые свиньи становились почти прямоугольными. Как пояснила Светлана, так их было легче содержать. И то, что они не бегали, а лишь только жрали, способствовало их скорейшему росту. Свиней кормили тем самым растением, которое так недружелюбно встретило отряд. Местные называли его «лесом». Заготовка леса была очень опасным занятием. Светлана рассказала, что в лесу растут «шишки», из которых выпрыгивают многометровые мощные побеги. Побег может сломать хребет взрослому человеку или умертвить ядовитыми шипами. Лес не оставляет трупов – он их пожирает, впитывая через побеги. Радист вспомнил свои утренние впечатления, и его передернуло.

Еще опасней были «лесники» – одичавшая часть жителей Автозаводской линии метро, которые считали лес своим богом и с фанатизмом его охраняли. Лес давал им пищу и защищал от врагов. В лесу они хорошо ориентировались и передвигались. Они были в симбиозе с лесом. Некоторые лесники даже приращивали себе шишки, что давало им власть над соплеменниками.

Если жители Партизанской пытались зайти в лес слишком далеко, лесники нападали на них из дебрей. Для того чтобы заготовить лес, шло пол-лагеря. Старшие с арбалетами в руках углублялись в лес, отсекая полосу от лесников, а младшие в это время заготавливали лес и переносили его в лагерь. Не проходило месяца, чтобы на заготовке леса кто-нибудь не погиб. А уже на следующий день лес на месте вырубки стоял, как прежде. Никто не знал, за счет чего он растет и чем питается. Говорили, что это корни гигантского растения, находящегося где-то на поверхности. Несмотря на свою опасность, лес все же был основой хозяйства нижнего лагеря – им кормили свиней, из его волокон научились делать одежду и циновки, он же служил и топливом.

Когда Радист со Светланой возвращались через туннель, на подходе к станции он снова увидел уже встречавшийся ему предмет – две скрещенные деревянные перекладины, украшенные лентами. Он спросил у Светланы:

– Что это?

– Как, разве ты не знаешь – что это?! Это христианский крест, распятие. Символ нашей веры. Мы устанавливаем кресты на всех подходах к лагерям, чтобы отгонять нечистую силу.

Радист вспомнил и усмехнулся: конечно же, это крест. В Московском метро он встречал людей, которые, размахивая крестами и крестиками, что-то там пророчествовали о каком-то Втором Пришествии. К ним никто серьезно не относился. Где он – их Бог?

Светлана, заметив реакцию Радиста, обиженно спросила:

– Что тебя смешит?

– Странно, что ты веришь в эти сказки.

– Это не сказки. Бог помогает нам выжить в аду... Но ты, я вижу, еще не дорос до этого...

Радисту стало неловко. Очень странно, что такая умная с виду девушка, к которой он уже стал испытывать симпатию и уважение, разделяет какие-то суеверия. Но обидеть Светлану он не хотел – просто не думал, что для нее это может быть так серьезно. Неприятная заминка длилась недолго: они как раз подошли к комнате собраний. Оттуда выходили уновцы и партизаны. Было видно, что те и другие остались довольны встречей. Кто-то из местных торжественно сказал:

– Кстати, у нас сегодня праздник. Вы все приглашены.

* * *

То, что здесь называлось праздником, началось вечером. На праздник была заколота одна «квадратная» свинья, которую тут же выпотрошили и сварили в котле. Радиста удивило, что мясо и сало разрезалось и перевешивалось чуть ли не на аптекарских весах, после чего распределялось по тарелкам идеально равными порциями. При всей скудности пропитания в Московском метро во время праздников и застолий никто при разделе порций весами не пользовался. «Праздничная» пайка составляла кусочек мяса с салом размером с детский кулачок.

Зато к свинине добавлялось несколько круглых или овальных комков, которые Радист сначала принял за большие грибы. Но попробовав, он понял, что ничего общего с грибами она не имеет. Местные называли плоды бульбой или картофелем и были очень удивлены, что москвичи его не только едят, но и видят-то впервые. А вот в Муосе картофель считался основным продуктом.

Даже из местных жителей мало кто помнил, что до Последней Мировой картофель в огромных количествах выращивали именно в Беларуси. Однажды, задолго до войны, случилась авария на какой-то атомной станции, загадившая полстраны, после чего местные селекционеры начали выводить культуры, которые были бы не подвержены радиации. Так уж получилось, что добиться успеха им удалось только в селекции картофеля. Их открытие фактически спасло Муос от голодного вымирания. Результат селекции оказался удивительным: растение само выводило из себя радионуклиды! Плоды выросшего на поверхности картофеля при проверке дозиметром «фонили» меньше, чем свинина из туннельной фермы.

Оставалась только одна проблема: кому-то надо было работать на поверхности. Именно эту задачу и выполняло население верхних лагерей. Каждую весну почти весь верхний лагерь выходил на сельхозработы. При помощи мотыг и лопат копали землю на бывших пустырях и лужайках, расположенных вблизи станций метро, и сажали картофель. Далее следовал весь цикл, включая сбор урожая. Такие сельхозработы из-за радиации, нападений мутантов и диких зверей были сродни вылазкам смертников. Люди умирали уже через несколько сезонов. А на их место приходили другие – вчерашние жители нижних лагерей.

Было на муосовском празднике и спиртное – брага, довольно крепкая, но с очень уж неприятным запахом и тошнотворно-сладким вкусом. Вроде ее готовили из того же картофеля и перетертых побегов «леса». Пересилив себя, Радист выпил кружку.

Поводов для праздника было несколько – партизаны, как они себя называли, не могли позволить себе слишком частые торжества. Самым незначительным поводом, о котором едва вспомнили, были свадьбы: двое местных парней-подростков привезли на свою станцию девушек из других лагерей. Власти Муоса поощряли такие браки, так как беспокоились за последствия кровосмешения, неизбежного при полной замкнутости поселений. Наверное, поэтому вдову Катю обрадовало, что Радист – не местный.

Главной причиной «торжества» были проводы во «взрослую» жизнь трех жителей лагеря: двух девушек и парня, которым исполнилось 23 года. Проводы сопровождались каким-то ритуалом, пением гимнов и чтением молитв. Радист едва не заснул под долгие речи старейшин «о мученическом подвиге этих молодых людей, ради продолжения жизни отправлявшихся

наверх». И преподносилось все это как почетный долг каждого партизана. Кто-то из начальства с пафосом сообщил, что экономика их Содружества укрепляется и вскоре они смогут увеличить срок жизни в Нижнем Лагере, а в обозримом будущем – вообще отказаться от верхних лагерей. Все действие подкреплялось выкриками: «За единый Муос!».

Уходившим торжественно вручили балахоны, явно уже кем-то ношенные и не очень старательно застиранные. Радист, с грустью наблюдавший за происходящим, прикинул, сколько людей, носивших эти балахоны, уже отошло в мир иной. «Посвящаемые в новую жизнь» держались стойко, пытались улыбаться и даже шутить. Но время от времени на их лицах мелькала тень безумной тоски. В последний момент, когда в соответствии с ритуалом уходившие надели балахоны и должны были направиться к гермоворотам в верхний лагерь, а жители нижнего лагеря – подняться и рукоплескать им, одна из девушек громко разрыдалась, подбежала к своим детям и, прижав их к себе, закричала: «Не хочу, я не пойду!..» Дети тоже подняли вой. Девушку схватили, и подбежавший врач умело ввел ей инъекцию, после чего она обмякла и успокоилась. Бунтарку подняли на руки и понесли к гермоворотам, где терпеливо ожидали ее друзья по несчастью. Люк открылся. Туда покорно, как в пасть неведомого чудовища, вошли двое и внесли третью. Пасть закрылась, и праздник продолжился.

Радист был потрясен, остальные москвичи тоже застыли, переваривая увиденное. Но на самих партизан эта сцена, казалось, не произвела сильного впечатления. То ли они старались не думать, что неизбежно придет и их час, то ли привыкли уже к подобным сценам и смирились со своей участью? Вскоре на станции опять стало оживленно – брага делала свое дело.

По труднообъяснимой логике в число праздничных поводов партизаны записали и поминки по трем товарищам, погибшим накануне в схватке с дикими диггерами. Сами похороны уже состоялись, а теперь настал черед поминальных речей о долге, чести и подвиге. Сидевший недалеко от Радиста Лекарь грустно прокомментировал:

– Гулять – так гулять! Умеют тут причину для веселья найти, мать твою...

К Радисту подошла Светлана, слегка тронула его за плечо, чтобы он подвинулся на своей табуретке, и села вплотную к нему. Спиртного девушка, видимо, не пила, во всяком случае, от нее не пахло этой гадостью, которую Радист заставил себя проглотить не без труда. От нее пахло теплом, юностью и еще чем-то совершенно нереальным в этом мире, чему Игорь не находил названия.

– Ты знаешь, всем нам трудно поверить, что где-то есть другая жизнь и там нет верхних лагерей...

Радист повернул голову и посмотрел на Светлану. Она показалась ему необыкновенной. Может быть, потому что это была первая девушка, на которую он смотрел так близко. А может, потому что она и была необыкновенной. Во всяком случае, таких серо-зеленых глаз, приподнятых к вискам, он раньше не видел. Она, как и все здесь, была худа, но чуть выступающие скулы и бледность не портили лица девушки. Светлые прямые волосы сейчас были собраны у самых корней какой-то простой резинкой, и девушка иногда смешно теребила этот хвостик своими тонкими пальцами. Когда же она улыбалась, глаза становились совсем узкими, делая ее похожей на лису. В отличие от большинства партизанок, Светлане удавалось сохранить опрятный вид. На ней были застиранные джинсы и чистая клетчатая рубашка. Радисту не верилось, что она – одна из смертниц, которую тоже ждет верхний лагерь.

– А сколько тебе лет?

– Мне – двадцать...

– Тебе осталось *только три года*?

– *Целых три года!* По нашим меркам это немало.

Девушка печально улыбнулась. Радисту не хотелось продолжать, и он решил перевести разговор:

– А что укололи той девушке?

- Опий. Верхние лагеря кроме картофеля выращивают мак, из него делают опий.
- Наркотик?
- Да. Здесь он используется только в медицинских целях – как наркоз и обезболивающее.

А в Верхних лагерях он разрешен всем в неограниченных количествах.

– Ты хочешь сказать...

– Понимаешь, через два-три года жизни в верхнем лагере, а иногда и раньше, организм человека начинает разваливаться. Они испытывают почти постоянную боль. Выход один – наркотик.

Партизаны, охмелевшие от своей браги, позабыли все остальные поводы и перешли к чествованию пришельцев из Московского метро. Заплетающимися языками они объявили появление москвичей знаком свыше и свидетельством скорых перемен в их жизни. То, что своих гостей они принудительно обезоружили и еще совсем недавно допрашивали в верхнем лагере, решая, не пустить ли их в расход, сейчас уже никого не смущало.

Светлану позвали, она вспорхнула и исчезла в толпе. Кудрявцев удивленно рассматривал незанятый им узенький край табуретки, на котором только что сидела эта хрупкая девушка. Надеясь, что Светлана еще придет, он не решался занять ее «территорию» и даже немного подвинулся к другому краю. Радист для себя уже четко определил, что Светлана – это единственный объект Муоса, который ему понравился. Все остальное ужасало или вызывало сомнение.

У местных начались танцы. Полтора десятка голосов громко запели, выводя мелодию, под которую еще несколько парней и девушек сыпали речитативом на каком-то местном наречии:

Недзе у Сусвеце
пад паверхняй планеты
з краю Муоса
жывуць партызаны...¹

Желающие потанцевать из местной молодежи, которых оказалось довольно много, повизгивая от предвкушения, стали выбегать в центр платформы, быстро раздвигая стулья и лавки. Радиста бесцеремонно подняли с его табуретки и отодвинули в толпу зрителей, которые, нервно подергиваясь в такт мелодии, уже хлопали в ладоши. Танцоры становились в плотный строй. Каждый в строю делал четыре шага на месте, после чего подпрыгивал, одновременно поворачиваясь на 90 градусов, снова делал четыре шага. Радист думал, что это только вступление и дальше начнется настоящий танец. Но местные со счастливыми лицами делали одно и то же незамысловатое движение, дружно вращаясь, когда надо, всем строем. Танцоры уже перекрикивали певцов:

Пайшоў наш Талаш
ворагаў біць,
здабыў перамогу,
каб нам мірна жыць...²

Когда у этой примитивной баллады случался припев, его подхватывали все, кто мог, даже маленькие дети и солидные специалисты:

¹ Где-то во Вселенной под поверхностью планеты на краю Муоса живут партизаны... (бел.)

² Пошёл наш Талаш врагов бить, добыл победу, чтобы нам мирно жить... (бел.)

Ідуць партызаны,
мужныя хлопцы,
а з імі дзяўчаты,
ідуць па Муосу,
здабыць перамогу.³

Для местных эта песня явно много значила: у некоторых на глазах были слезы, кто-то остервенело грозил кулаком каким-то невидимым врагам.

Когда наконец эти дикие вопле-танцы закончились, строй танцоров не расходился. Многие стали кричать: «Еще! Еще!» Певцы, уже охрипшими голосами, начали ту же песню... Исполнив ее повторно в том же духе, они успокоились.

Через несколько минут Радист, так и не сумевший разделить общего веселья, с облегчением услышал, что праздник наконец закончился. Все стали расходиться по своим жилищам.

Кудрявцеву досталась совсем крохотная квартирка. Она была сделана наподобие шалаша из пучков связанных между собой побегов леса. Шалаш был собран как-то наспех и имел широкие щели. Дверью служила свисавшая циновка из таких же побегов, крыши, можно сказать, вообще не было, и сверху проникал свет от единственной включенной на ночь лампочки под потолком станции. В Минском метро тоже было условное деление на ночь и день, но при такой скученности ночной покой был практически недостижим. Где-то на станции писклявыми голосами кричали маленькие дети. В нескольких местах слышались громкие стоны и повизгивания пар, получавших удовольствие, пожалуй, единственное доступное здесь в неограниченных количествах. Десяток глоток издавал громоподобный храп. На ферме визжали свиньи, которые в метро так и не научились делить сутки на день и ночь. Все это не на шутку раздражало и мешало заснуть.

Радист был под сильным впечатлением от увиденного сегодня. Перед глазами мелькали эпизоды всего пережитого, поразившего его. В каких же невыносимых условиях выживает человек! Жалобы жителей Московского метро на лишения и трудности существования отсюда выглядели преувеличенными. На самом деле, их жизнь минчанам показалась бы раем. Да, в Москве был голод, но только на самых неблагополучных станциях. Там не посылали людей в радиоактивное пекло. Там не было агрессивного леса с его лесниками под боком. Там не женились дети, чтобы быстрее получить от недолгой жизни все, что она может дать.

Ему захотелось вернуться домой, в Москву, в Полис. Там его не любили, но там была безопасность, сытость, и не надо было мучиться от постоянного ощущения чужого горя и страдания.

Его размышления перешли в беспокойную дрему, сопровождавшуюся кошмарами. В них Игорь один продирался в туннеле по местному лесу. Кругом на стеблях висели полуистлевшие, мокрые и вонючие трупы людей в форме военных Рейха. Он уже чувствовал, как отовсюду выпархивают смертоносные побеги растения. Его вот-вот достанут. Лес начал его обхватывать побегами за ноги и за руки. Лес шептал девичьим голосом:

– Мой миленький, мой хороший...

Побеги леса совсем сковали его тело, он не мог шелохнуться.

В этот момент Радист открыл глаза и едва не вскрикнул. Он сразу не понял, в чем дело, а когда понял, то резко отстранил от себя девичье тело. Перед ним была малолетняя вдова Катя, которая лежала рядом, цепляясь за него руками. Она была совершенно голая. Радист ошарашенно спросил:

– Ты чего?

Катя горячо зашептала:

³ Идут партизаны, смелые парни, а с ними девушки, идут по Муосу, добыть победу. (бел.)

– Не бойся, мой миленький. Только люби меня, только не прогоняй!

От Кати исходил сильный запах пота, немывтого тела и прокисшего молока. Женского молока. Игорю стало противно и одновременно стыдно при мысли, что его могут сейчас увидеть уновцы. Он снова раздраженно оттолкнул Катю:

– Уходи, Катя, уходи! Я не хочу!

– Но почему? Ты ведь не знаешь, какая я! Я же больше ничего не прошу у тебя.

И тут неожиданно он услышал из-за стенки знакомый голос:

– Катя, оставь его в покое и иди к своим детям.

Внезапно Катя разрыдалась и вскочила на ноги:

– Да что тебе мои дети?! – обращаясь к стенке, воскликнула она. – Потому что у тебя своих нет? Что вы все на мне крест-то поставили? За что мне такое наказание?!

Одеваясь на ходу, она выбежала из палатки, громко и уж совсем по-детски всхлипывая. Несколько минут было тихо, и Радист лежал, ошарашенный происходящим. Потом он услышал снаружи голос Светланы:

– Можно войти? Я хочу тебе кое-что объяснить.

– Да ладно, входи...

– Не думай, что я подслушивала, просто моя квартира за стенкой.

– А что это с Катей?

– Решила тебя соблазнить. По нашим законам, если она от тебя забеременеет, ты будешь вынужден на ней жениться. А так у бедняжки мало шансов. Мужиков-то у нас не хватает...

Светлана еще что-то говорила о местных обычаях, но Радиста вдруг начало страшно клонить в сон, и он слушал вполуха. Девушка это заметила и, как всегда, быстро исчезла, тронув его перед уходом за плечо:

– Ладно, спи.

Но Кудрявцев этого уже не слышал, провалившись в очередной кошмар.

* * *

«Атас! К оружию!» – слышалось кругом. Радист, выползая из вязкой тины своих видений, не сразу понял, что это уже не сон. Когда он заставил себя открыть глаза, то по голосам и звукам со станции понял, что что-то случилось. Он высунул голову из квартиры.

На станции царил хаос. Сотни партизан, включая детей, бежали в разных направлениях. Почти у каждого в руках были арбалеты, копья и еще какие-то предметы. Поначалу казалось, что партизан охватила паника, но уже спустя минуту это впечатление изменилось. В их перемещениях был явный смысл: каждый из них знал, куда и зачем бежит. Радист подошел к своим. Москвичи недоуменно смотрели на происходящее, ничего не понимая. Предполагали лишь, что партизаны ожидают нападения со стороны южных туннелей.

Радист смотрел и не узнавал тех заморенных, убогих минчан, какими они ему представились вчера. Это были воины. За считанные минуты они встали в боевые порядки, готовясь защищать свою станцию. Отсутствие стрелкового и тем более автоматического оружия заставило муосовцев воскресить средневековые методы боя, немного изменив их в соответствии с обстоятельствами. На платформе и над помостами со стороны южных туннелей партизаны расположились плотными полукольцами, вогнутыми внутрь станции. Каждое из полуколец состояло из семи линий защитников. На первой линии лежали стрелки с арбалетами, вторую образовали сидящие на полу, третью – стоящие на коленях, четвертую – стоящие в полный рост, пятую, шестую и седьмую – стоящие на скамьях разной высоты. Таким образом, линия обороны партизан представляла собой ошестинившуюся арбалетами живую наклонную стену. В сторону каждого из туннелей целилось около сотни стрелков. Впереди были подняты закрепленные на шарнирах и поддерживаемые тросами высокие щиты, обитые жестью.

В какой-то момент щиты упали, и в то же мгновение хлопки срабатывающих арбалетных пружин слились в один громкий рокот. Как только туча стрел исчезла в глубинах туннеля,

несколько партизан натянули канаты и щиты снова поднялись. Стрелки принялись спешно перезаряжать арбалеты. За пару секунд, пока туннель был открыт, луч прожектора выхватил крупный силуэт в глубине – видимо, в него и целились арбалетчики.

Пока первая линия обороны отражала нападение, метрах в десяти за ней формировалась вторая, которую составляли женщины и подростки. У каждого из них в руках тоже были заряженные арбалеты, правда, меньших размеров.

Десяток мужчин и женщин с копьями и совсем маленькие дети – те, кто еще не мог держать в руках оружие, собрались в северной части станции. Эта группа, видимо, должна была покинуть станцию, если враг окажется сильнее.

Дехтер с Расановым обсуждали, как им получить назад свое оружие, чтобы принять участие в защите станции. Но в этот момент кто-то скомандовал: «Отбой учебной тревоги!». Партизаны, как ни в чем не бывало, переговариваясь и шутя, стали расходиться со своих боевых позиций. Уновцы пошли рассматривать «врага» – оббитый тряпьем деревянный манекен, грубый муляж какого-то местного чудовища. Несколько пацанят выдергивали из него глубоко впившиеся стрелы. Еще одна девочка ходила чуть дальше, собирая стрелы промахнувшихся, но их было совсем немного.

* * *

Утром вернулся командир нижнего лагеря партизан Кирилл Батура. Он ходил в Центр по какому-то важному делу и на момент появления уновцев в лагере отсутствовал.

Дехтера и Расанова командир вызвал к себе, в небольшое служебное помещение, убранство которого составляли стол, несколько стульев и пара шкафов с потрепанными папками и книгами. На столе, как раз над креслом командира, висел на ремне АК, видимо командиру и принадлежавший.

На вид Батуре было лет сорок. Он, как специалист и руководитель, пользовался правом долгожительства. Может быть, он был моложе, но его старили борода, лысина и красные от недосыпания глаза.

Было заметно, что командир рад встрече и вместе с тем чем-то озабочен. Он сразу же вышел из-за стола и поздоровался с гостями, долго тряс руку каждого в своих костлявых ладонях. При этом Батура не подал виду, что его смущает маска Дехтера, – видимо, был уже об этом предупрежден своими.

– Извините за тот прием, который вам оказали в верхнем лагере. У нас тут, знаете ли, очень беспокойно в Муосе, приходится быть начеку... – При этих словах по лицу Батуры пробежала тень, но потом он оживился и снова заговорил. – Что это я?.. Лёнька, а ну-ка сообрази нам с москвичами! «Брестской» бутылочку достань...

В дверь вошел Лёнька – пацан лет четырнадцати, видимо выполнявший роль адъютанта командира, и с недовольным лицом безапелляционно заявил:

– Дядька Кирилл, там всего три осталось. Сами ж говорили, на День Объединения Муоса побережь...

– Да, мать твою, я кому говорю, неси! До объединения Муоса можем не дожить. А тут такие гости!

Пока они разговаривали, недовольный Лёнька куда-то сходил и принес довоенную бутылку водки, а также доску, на которой было аккуратно порезано соленое сало с прослойкой и стояла миска с дымящейся вареной картошкой.

Паренек нарочно громко стукнул бутылкой по столу и шваркнул доской, от чего одна картофелина вывалилась из миски, развернулся и пошел на выход. Батура что-то хотел рявкнуть ему в спину, потом махнул рукой, достал три походных стаканчика, разлил и кратко сказал:

– За встречу...

Выпили, закусили, потом почти молча выпили еще по одной.

Водка была неплохой, хотя градус за время хранения потеряла. Дехтеру и Расанову в Московском метро такую пить не доводилось. И уж точно она не шла ни в какое сравнение с той гадостью, которой их угощали накануне. Приятное тепло разлилось по телу.

Командир, посчитав, что необходимый минимум гостеприимства оказан, кашлянул и заговорил по делу:

– Я в курсе, кто вы такие и каким образом к нам добрались. Поэтому докучать вам с расспросами не стану. Мои тут провели свое расследование и подтверждают вашу информацию. Я хотел бы услышать поподробнее о ваших целях и ближайших планах... Если вы не против...

Расанов, решив, что в данной ситуации вопрос относится больше к нему, взял инициативу в свои руки:

– Московское метро заинтересовано в установлении контактов с другими убежищами, так как это могло бы способствовать нашему общему выживанию, а в будущем явилось бы основой восстановления цивилизации. Кроме того, это большая эмоциональная поддержка метрожителям – знать, что мы остались не одни в мире. Нашим правительством перед отрядом поставлена задача найти авторов сообщения, установить радиокontakt между Москвой и Минском и, по возможности, оказать помощь в устранении угрожающей вам опасности. Для начала нам бы хотелось знать, какая станция является инициатором радиосигнала.

Батура слушал все это, опустив глаза и нервно постукивая пальцами по столу. Потом он устало сказал:

– В настоящее время я один из девяти долгожителей в лагере. Все мы получали образование в Университете Центра. В общих чертах я представляю, что такое радиосвязь, но ни разу не видел здесь радиоприемника. На мой взгляд, единственное место, где может быть что-то подобное, – это Центр, и вам надо туда. Что касается угроз, то самой близкой для нашего лагеря являются лес и лесники. Но, к сожалению, это далеко не единственная и даже не самая страшная опасность. Голод, эпидемии, мутировавшие звери, американцы, дикие диггеры и, наконец, ленточки. Мы окружены опасностями со всех сторон, и кольцо постепенно сужается. Иногда мне кажется, мы здесь в зыбком пузыре, который вот-вот лопнет... – Батура грустно улыбнулся, разлил еще по полрюмки, кивнул собеседникам и махом выпил. – К счастью, за все метро я не в ответе. Мне бы с моим лагерем разобраться. А первая проблема моего лагеря – это все же лес с лесниками. Как мне доложили, вы прошли с боем от Партизанской. Кстати сказать, когда-то это была столичная станция наших лагерей. Восемь лет назад там человек шестьсот народу жило только в Нижнем лагере. Зажиточная была станция. В Верхний лагерь в тридцать уходили... Партизаны поставили мощные решетки со стороны леса и понадеялись на них. У решеток пост был всего из трех человек – чтобы обрубать ветки, которые через прутья лезли. Но однажды за ночь лес обмотал побегами решетку и вырвал ее вместе с фундаментом. Лесники кинулись в спящий лагерь. Их были тысячи. Около сотни детей и баб успели убежать. Я тогда с нашими отрядами выступил на помощь станции, но лес уже был в туннеле на полпути к нам. Со станции еще были слышны крики, а помочь мы ничем не могли. Пришлось срочно выставлять усиленный заслон у нас на входе.

Так вот мысль у меня – поквитаться с лесом. После того как вы прошли по Партизанской и туннелю, лес и лесники не скоро силы восстановят. Надеюсь очистить туннель до Партизанской и саму станцию вернуть. Поможете?

Расанов, несколько смутившись, ответил:

– Видите ли... Я вам объяснял, что у нас приказ, которым установлен следующий приоритет задач: обнаружение инициатора радиосигнала, установление радиоконтакта между Минском и Москвой, а уже потом – оказание помощи местным. К сожалению, до выполнения первых двух задач приступить к третьей, рискуя жизнями наших людей, мы не можем.

– Ладно, я так и думал, – грустно, но без обиды заметил командир. – Однако, если мы позаимствуем у вас один огнемет, непосредственной угрозы жизням ваших людей это не соста-

вит? У нас есть небольшой запас бензина, мы сами пытались сделать огнемёт, но ничего достаточно эффективного и безопасного не получалось. А ваш – просто чудо. Извиняюсь за хамство, мы уже его испытали. С ним мы гарантированно выжжем лес аж до Партизанской.

Дехтер было дернулся что-то возразить, но Расанов, поняв, что монолог Батуры по поводу заимствования огнемёта является скорее констатацией факта, а не просьбой, положил на плечо капитана руку и кивнул.

– Ладно. Мы рады вам помочь хотя бы этим.

Было видно, что командир партизан уже давно считал огнемёт своим, однако столь быстрое «урегулирование вопроса» его явно обрадовало, и он быстро разлил оставшееся в бутылке, поднял рюмку и сказал:

– Вот и славненько. За победу...

Когда все выпили, он благодушно продолжил:

– Итак, вам нужно в Центр – там вы найдете, что ищете. Я дам проводника. Пока пойдете по территории партизан, вам особо ничего не угрожает, но потом будьте бдительны. Трогайтесь рано утром, вместе с ходоками – у нас как раз очередной обоз собрался. А мы будем готовиться выступать на лес всем лагерем. Из других партизанских лагерей отряды также подходят. Славная будет бойня, жаль, что не увидите.

Они еще с полчаса посидели. Батуру развезло, и он заговорил о наблевшем. В порыве откровенности командир партизан рассказал, что когда-то в нижнем лагере жили до 25 лет. Постепенно возрастной ценз снижался. Ситуация с продовольствием в последнее время ухудшается, они находятся на грани голода. Поэтому Объединенный Совет лагерей предлагает снизить ценз до 22 лет. Исключение будут по-прежнему составлять специалисты – те, кто получил образование в Центре, главным образом медики, электрики, зоотехники, ну и конечно администрация. Командир ткнул себя большим пальцем в грудь. Однако за провинность или по состоянию здоровья даже специалисты могут быстро оказаться наверху.

– Так-то, – тоскливо заключил Батура, мельком глянув в рюмку. – Если и впрямь снизят ценз, я сам уйду в верхний лагерь. Нету у меня права так долго жить...

* * *

Как оказалось, проводником им назначили Светлану. Она была специалистом по внешним связям – своего рода коллега Расанова, и поэтому ей поручили сопровождение уновцев в Центр.

Им предложили идти с торговым обозом, состоящим из двух велодрезин. Велодрезина представляла собой ужасное ржавое сооружение: установленная на рельсы тележка метров семи длиной с сиденьями по бокам и педальными приводами.

Старшей здесь была Купчиха – девушка лет восемнадцати, миловидная и бойкая. Как рассказала Светлана, раньше начальником обоза был ее отец. Мать Купчихи не то убили, не то уволокли дикие диггеры, и отец стал брать девочку с собой в походы. Потом пришел его срок подыматься в верхний лагерь, а она, хорошо понимая дело, так и продолжала ходить с обозами: сначала помощницей, а последние пару лет – за старшую. Она занималась коммерцией, продавая и обменивая производимые партизанами товары и продукты.

Каждый обоз сопровождало два десятка партизан. Этих молодых парней здесь называли «ходоками». Они считались местным спецназом. Ходоки получали усиленный паек и были натренированы лучше остальных. В толпе их можно было сразу заметить, потому что они все, как один, носили кожанки из плохо выделанных вонючих свиных шкур. На поясе слева болтался меч в ножнах, справа – колчан с двумя десятками стрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.